19 февраля 1911 года. № 3. Годъ изданія первый.

ПЕНЗЕНСКІЙ
Городской Вѣстникъ

(изданіе Пензенскаго Город. Обществ. Управленія).

ПЕНЗА.
Парон. типо-литогр. А. И. Рапопортъ и К°, Моск. ул., д. Шольцъ.
1911.

3 руб. въ годъ съ доставкой и пересылкой.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

1-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

НА НОВЫЙ

двухнедѣльный журналъ

ПЕНЗЕНСКІЙ ГОРОДСКОЙ ВѢСТНИКЪ

(изданіе Пензенскаго городского управленія).

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Узаконенія и распоряженія правительства и администраціи, относящіяся къ городскимъ общественнымъ управленіямъ или имѣющія интересъ для городскихъ обывателей.

2) Распоряженія и опубѣщенія городского управленія и обязательныя постановленія Думы.

3) Доклады и отчеты Городской Управы, городскихъ комиссій и прочихъ городскихъ учрежденій и постановленія Думы, имѣющія широкій общественный интересъ; текущія городскія дѣла.

4) Статьи и замѣтки по всѣмъ вопросамъ мѣстнаго городского хозяйства и городского благоустройства. Проекты, мнѣнія гласныхъ и ихъ заявленія.

5) Статьи и замѣтки по обще-городскимъ вопросамъ и о положеніи городского дѣла въ Россіи и (отчасти) заграницей.

6) Свѣдѣнія о культурной и экономической жизни города. Отчеты о дѣятельности разныхъ обществъ, учрежденій, земства и т. п.

7) Мѣстная городская хроника. Событія въ городѣ и по губерніи.

8) Вопросы городской жизни въ текущей литературѣ.

9) Библіографія съ указаніемъ литературы по городскимъ вопросамъ.

10) Справочно-статистическія свѣдѣнія по гор. Пенаѣ.

11) Врачебно-санитарная хроника.

12) Разныя извѣстія, сообщенія, перепечатки и т. п. матеріалы, имѣющіе интересъ для городскихъ обывателей, но не относящіяся къ предыдущимъ отдѣламъ.

13) Разъясненія, извѣщенія, справочныя цѣны и объявленія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: 3 р. въ годъ съ доставкой и пересылкой, на $^1/_2$ года—1 руб. 75 коп.; отдѣльные №№ по 15 коп. Подписка и объявленія принимаются въ редакціи журнала (Пенза, Городская Управа).

19 Февраля 1911 г. 1-й годъ изданія.

ПЕНЗЕНСКІЙ ГОРОДСКОЙ ВѢСТНИКЪ

выходитъ два раза въ мѣсяцъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ.

Присылаемыя въ редакцію для напечатанія статьи и замѣтки должны быть четко написаны на одной сторонѣ листа, съ полями и нумераціей страницъ, снабжены именемъ и адресомъ автора. Анонимы уничтожаются.

№ 3.

Рукописи безъ обозначенія условій гонорара считаются безплатными и вообще не возвращаются. На отвѣтъ и на запросы всякаго рода слѣдуетъ прилагать марки.

Редакція (Пенза, Городская Управа) открыта съ 12 до 2-хъ часовъ дня.

Красный день.

Полвѣка назадъ тому совершилось событіе, равнаго которому не знаетъ наша исторія: пало крѣпостное право, стало живой дѣйствительностью то, о чемъ мечтали лучшіе люди Россіи, начиная съ Радищева и кончая ближайшими сотрудниками и сподвижниками Царя-Освободителя.

19-го февраля 1861-го года „порвалась цѣпь великая": десятки милліоновъ безправныхъ крѣпостныхъ крестьянъ получили свободу, вѣковой позоръ рабства, клеймившій наше отечество, какъ страну варваровъ, отошелъ въ область прошлаго, и Россія, униженная и раззоренная подъ стѣнами Севастополя, вступила на путь возрожденія и обновленія.

Не безъ труда и тяжелой борьбы молодому государю, одушевленному любовью къ своему народу, удалось осуществить освобожденіе крестьянъ. Вліятельное большинство тогдашняго общества состояло изъ владѣльцевъ крѣпостныхъ душъ; это большинство, частью изъ корыстныхъ побужденій, частью же безкорыстно, вслѣдствіе непониманія истинныхъ задачъ переживаемаго времени, упорно желало сохранить въ неприкосновенности крѣпостной строй и всѣми силами тормозило намѣренія правительства, въ рядахъ котораго также было не мало сторонниковъ и

защитниковъ крѣпостного права. Но, опираясь на просвѣщенное меньшинство, выдвинувшее изъ своей среды преданныхъ сотрудниковъ Царю въ его святомъ дѣлѣ, императоръ Александръ II сломилъ упорство противниковъ освобожденія, и 19-го февраля 1861 года подписалъ манифестъ, положившій начало всѣмъ тѣмъ преобразованіямъ, которыя ознаменовали собою его царствованіе—реформамъ судебной, земской и городской. Судъ присяжныхъ, мировой судъ, привлеченіе всего населенія къ дѣлу мѣстнаго самоуправленія немыслимы были въ прежней, крѣпостной Россіи, въ которой большая половина народа не имѣла гражданскихъ правъ, и, понятно, что 19-е февраля 1861 года по справедливости можетъ быть названо *„краснымъ днемъ"* —днемъ обновленія всей Россіи.

Теперь, полвѣка спустя, мы съ благоговѣйнымъ удивленіемъ смотримъ на ту титаническую работу, каторая была выполнена небольшой кучкой тогдашнихъ дѣятелей, сплотившихся около Царя-Освободителя, на ту побѣду, которая была одержана ими надъ темными силами, противодѣйствовавшими освобожденію. Невольно возникаетъ вопросъ: да откуда же взялась эта кучка, какъ могла темная, рабская страна въ то время, когда просвѣщеніе было удѣломъ лишь привиллегированнаго круга и въ то время, когда самое слово „воля" считалось преступнымъ и произносилось шопотомъ, съ оглядкой,—дать блестящую рать дѣятелей освобожденія? Вспомнимъ, что въ то время многими, даже сочувствующими упраздненію крѣпостного права, высказывались опасенія, что задуманное преобразованіе гражданскаго быта можетъ повлечь за собою пагубныя послѣдствія, что для проведенія въ жизнь новаго свободнаго строя общества не найдется достаточно просвѣщенныхъ и энергичныхъ работниковъ.

Эти опасенія, какъ не замедлили показать событія, не оправдались. Едва, говоря словами Пушкина, взошла надъ отечествомъ заря свободы просвѣщенной, какъ нашлись и люди, не только одушевленные горячимъ желаніемъ, но и умѣющіе работать на пользу родины—,тѣ люди, которые связали свои имена съ великими преобразованіями царствованія Александра II.

„Надъ вольной мыслью Богу не угодны
Насиліе и гнетъ:
Она, въ душѣ рожденная свободно,
Въ оковахъ не умретъ".

Какъ ни тяжелы были условія русской жизни первой половины XIX столѣтія, какъ ни жестоко преслѣдовались свободная мысль и свободное слово, какъ ни великъ былъ гнетъ цензуры,—свободно-рожденная мысль не могла умереть въ оковахъ. Она зрѣла и росла въ тиши. Мелкими, едва замѣтными ручейками она просачивалась изъ чистыхъ родниковъ духа сквозь толщу всевозможныхъ препятствій, пропитывала собою міро-

воззрѣніе русскаго общества, медленно, но упорно подчачивала тѣ устои, на которыхъ держалось крѣпостное право. И часъ ея торжества пробилъ 19 го февраля. Современники и очевидцы событія объявленія воли говорятъ, что народъ встрѣтилъ манифестъ такъ, какъ встрѣчаютъ святую пасху: встрѣчающіеся—знакомые и незнакомые обнимались и лобызались, какъ въ свѣтлое воскресенье, плакали отъ радостнаго умиленія. Не только бывшіе крѣпостные, но и люди, не испытывавшіе лично тяготы крѣпостной зависимости, радовались и ликовали, чувствуя, что надъ родиной занимается заря новыхъ, свѣтлыхъ дней. Это всеобщее ликованіе свидѣтельствуетъ, насколько уже въ то время мысль объ освобожденіи крестьянъ была широко распространена въ обществѣ, какія широкія завоеванія сдѣлала она, подготовивъ въ то же время Россію къ дальнѣйшимъ либеральнымъ преобразованіямъ.

Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что экономическія причины не мало способствовали паденію крѣпостного права. Передовые государственные дѣятели уже видѣли, что Россія стоитъ наканунѣ банкротства: производительныя силы страны замирали и не могли развиться, промышленность и торговля находились въ жалкомъ состояніи, государственные финансы были крайне истощены, и, наконецъ, само помѣщичье хозяйство, державшееся крѣпостнымъ трудомъ, изнемогало подъ бременемъ задолженности. Все это было очевидно для наиболѣе дальнозоркихъ государственныхъ дѣятелей царствованія императоровъ Александра I и Николая I, сознававшихъ всю неотложную необходимость отмѣны крѣпостной зависимости. Въ царствованіе обоихъ вышеупомянутыхъ государей дѣлались попытки освободить крестьянъ, попытки, однако же, не давшія никакихъ практическихъ результатовъ. Писались проэкты упраздненія крѣпостного права, для обсужденія и разработки ихъ учреждались комитеты просто «секретные» и «очень секретные», но дальше благихъ пожеланій дѣло не шло: вѣковое зло русской жизни было еще слишкомъ живуче, слишкомъ глубоко корнями своими оно сидѣло въ самыхъ нѣдрахъ ея, и та идея, которая расшатывала его, еще не достаточно окрѣпла,—она не пришла еще, такъ сказать, «въ полноту возраста».

Но, рожденная свободной, она жила крѣпко въ душахъ и умахъ лучшихъ людей и, хотя и медленно, но дѣлала свое великое дѣло, воспитывая общество, подготовляя его къ великому дѣлу 19-го февраля, не только освободившему отъ рабства крестьянъ, но и обновившему всю государственную и общественную жизнь Россіи. Въ томъ, какъ совершилась въ нашемъ отечествѣ освободительная реформа, мы находимъ лучшее доказательство того, что міръ, дѣла людей управляются не столько внѣшними фактами и экономическими отношеніями, сколько ростомъ

идей, которыя обусловливаютъ собою то или другое состояніе общества. И въ день празднованія пятидесятилѣтія со дня освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости русскій народъ долженъ съ благодарностью помянуть носителей идей освобожденія, часто гонимыхъ, непризнаваемыхъ современниками, которые мужественно взростили ее, передавали изъ поколѣнія въ поколѣніе, пока она не засіяла во всемъ ея великолѣпіи въ *красный день* 19 го февраля 1861 года.

Среди нихъ ярко блистаютъ имена тѣхъ, кто не давалъ заснуть обществу, кто будилъ въ немъ чувства добрыя и святое недовольство, то чудными образами, какъ Пушкинъ и Тургеневъ, показавшіе лучшую сторону человѣка, независимо отъ его общественнаго положенія, то какъ Гоголь, вскрывшіе язвы крѣпостной Россіи, то бичевавшіе словами укоризны современное общество, какъ Радищевъ, Бѣлинскій, Герценъ, Салтыковъ-Щедринъ... За ними шли менѣе блестящіе, и совсѣмъ незамѣтные носители той же великой идеи, имена которыхъ теперь почти забыты, но такъ-же честно вносившіе и свою лепту въ общее великое дѣло обновленія и возрожденія Россіи.

Имъ, какъ сѣятелямъ разумнаго, добраго, вѣчнаго, въ день полувѣкового юбилея освобожденія крестьянъ русскій народъ долженъ сказать свое сердечное спасибо.

Да живетъ вѣчно память о нихъ въ сердцахъ людей!

В. Быстренинъ.

Чѣмъ долженъ быть для насъ день 19 февраля?

День встаетъ, багряне и пышенъ,
Долой ночи скрылась тѣнь;
Новой жизни трепетъ слышенъ,
Чѣмъ-то вѣщимъ смотритъ день.
Съ сонныхъ вѣждъ стряхнувъ дремоту,
Бодрой свѣжести полна,
Вышла, съ Богомъ, на работу
Пробужденная страна.

И. Аксаковъ.

Мы не собираемся здѣсь давать оцѣнку экономическаго и иного вліянія великаго акта 19 февраля 1861 года. Объ этомъ достаточно было и будетъ написано. Для насъ теперь этотъ день имѣетъ не только конкретное историческое, а современное и почти символическое значеніе. Мы со школьной скамьи знаемъ, что съ этого дня Россія стала

жить новой жизнью, но мы уже такъ далеко ушли отъ того времени, что не можемъ себѣ даже отчетливо представить этой старой жизни. Можетъ быть даже, по поговоркѣ „что старо, то мило", мы иногда чувствуемъ какое-то добродушное почтеніе къ доброму старому времени, какъ къ безобидному теперь дѣдушкѣ, забывая какой грозой онъ въ свое время былъ.

Не для того мы празднуемъ теперь великій юбилей, чтобы ярче представить эту прошедшую грозу, чтобы будить тяжелыя думы и бередить старыя раны. Вѣдь, не раны мы празднуемъ, а исцѣленіе, не рабство, а свободу. И вотъ этимъ-то цѣненъ, дорогъ, поучителенъ, близокъ всѣмъ намъ этотъ юбилей. Мечта о свободѣ никогда не умираетъ въ человѣческомъ сердцѣ. Пусть эта мечта неосуществима въ своемъ полномъ видѣ, пусть вѣка борьбы должны пройти прежде, чѣмъ она станетъ достояніемъ всего человѣчества, каждый шагъ впередъ дорогъ и каждая побѣда поднимаетъ нашъ духъ. И вотъ почему именно намъ необходимо хоть на минуту перенестись въ ту эпоху, за полвѣка до нынѣшняго дня, и пережить хоть приблизительно то, что переживала тогда лучшая часть нашего общества.

Вѣка невѣжества и безправія стояли передъ борцами освобожденія, какъ грозная твердыня, авторитетъ всего тогдашняго житейскаго опыта осуждалъ ихъ затѣю, явное и глухое противодѣйствіе встрѣтило ихъ, исторія недавняго прошлаго свидѣтельствовала, какъ долго тормазилось дѣло свободы, какъ успѣшны были козни противъ нея. И все-таки они вышли на работу съ вѣрой, съ бодростью, съ несокрушимой энергіей... И остались побѣдителями. Съ гордостью могутъ послѣдніе могикане того времени сказать: „да, были люди въ наше время: богатыри—не вы".

Актъ 19 февраля былъ дѣйствительно символъ эпохи, важнѣйшій, самый могучій и наиболѣе законченный порывъ ея; онъ силенъ именно тѣмъ, что выразилъ собой труды, думы, чаянія цѣлаго поколѣнія, даже нѣсколькихъ поколѣній, считая первыхъ литературныхъ провозвѣстниковъ освобожденія. По этому акту можемъ мы измѣрить съ одной стороны, какъ трудно дается народу каждый шагъ впередъ, а съ другой стороны, какъ велика была духовная сила тѣхъ, кто этотъ шагъ сдѣлалъ. Однако актъ 19 февраля знаменовалъ начало новой жизни не только для крестьянства, а для всей Россіи: крѣпостное право было главной плотиной, стоявшей на пути развитія отечества, съ паденіемъ его измѣнились всѣ формы нашей жизни. Часто указываютъ на положительныя явленія на фонѣ его: на нашу литературу того времени, начиная съ Пушкина, на идеалистовъ сороковыхъ годовъ, тоже вскормленыхъ крѣпостнымъ трудомъ. Но что же было лучшаго въ этихъ писа

теляхъ и идеалистахъ, какъ не отрицаніе этого самого крѣпостного права, признаніе несправедливости этого выгоднаго для нихъ порядка вещей, безкорыстное стремленье къ всеобщему, а не собственному или сословному благу? И они сдвинули не только эту плотину, они дали, можетъ быть, только черновой, недоконченный не по ихъ винѣ контуръ новой Россіи, тѣ рамки, въ которыхъ потомъ шла русская жизнь десятки лѣтъ. И все, что она дала лучшаго: земское и городское самоуправленіе, народная школа, гласный и равный для всѣхъ судъ, золотая эра русской литературы, послѣдняго великаго представителя которой мы только что проводили въ могилу,—все это брало свое начало оттуда. Правъ былъ поэтъ, говоря тогда:

„Вышла съ Богомъ на работу пробужденная страна"...

Не одни учрежденія дѣлаютъ жизнь страны, но еще больше нравы, на которыхъ отражаются и учрежденія. Не въ томъ только было зло и безобразіе крѣпостной Россіи, что крестьяне несли оброкъ помѣщику, что они подвергались тѣлесному наказанію: сознаніе безправія половины народа гнетущимъ покровомъ лежало на всемъ. А съ нимъ, съ этимъ безправіемъ массы, связано было преобладаніе одной небольшой части населенія, фактическое, если не юридическое, безправіе и другихъ, хотя и не крѣпостныхъ, слоевъ. Почему литература задыхалась въ тискахъ, почему учебныя заведенія не могли развиваться, почему подъ конецъ господства крѣпостного права даже выѣздъ за границу свободныхъ людей былъ затрудненъ, елико возможно? Потому что все, рѣшительно все было опасно для этого „стараго строя", потому что всякое свободное развитіе хотя самыхъ отвлеченныхъ идей въ концѣ концовъ приводило къ тому же выводу. Въ этой послѣдовательной борьбѣ со всякимъ отпрыскомъ всего новаго, свѣжаго, свободнаго дореформенные правители были по своему правы: нужно было или жертвовать всей жизнью страны, всѣмъ ея умственнымъ и экономическимъ развитіемъ, или пожертвовать крѣпостнымъ правомъ. Въ теченіе всей первой половины XIX столѣтія жертвовали первымъ, упустили только изъ виду, что такая закупорка всѣхъ кровеносныхъ сосудовъ ведетъ къ параличу. И параличъ далъ себя знать подъ стѣнами Севастополя. А когда наконецъ пала великая твердыня крѣпостничества, когда широкой волной хлынула общественная жизнь, страну нельзя было узнать: явились люди тамъ, гдѣ, казалось, были только обыватели или чиновники, родилась великая литература, даже экономическое развитіе получило мощный толчокъ, принявшій потомъ неправильное одностороннее направленіе. Перечитывая статьи или беллетристику того времени, нельзя не поддаться этому чувству свѣжести, бодрости, воочію видишь дѣйствительно пробужденныхъ и готовыхъ къ работѣ людей. Пусть лишь тысячная

доля ихъ плановъ и надеждъ сбылись, пусть все потомъ заволокло туманомъ и они сами можетъ быть свернули съ той дороги, которую первоначально намѣтили,—хоть недолго, но они жили. И, вѣроятно, многіе изъ насъ знали или еще знаютъ убѣленныхъ теперь сѣдинами старцевъ, которые поражаютъ насъ, холодныхъ и скептическихъ людей иного вѣка, своимъ юношескимъ жаромъ въ общественныхъ вопросахъ и иногда зависть беретъ, глядя на тѣхъ, кто такъ полно пережилъ свою молодость, пронесъ ея огонь черезъ всю жизнь.

Однако нынѣшній юбилей долженъ быть для насъ не только поводомъ для воспоминаній, умиленія, еще менѣе зависти. Жизнь націи непрерывна, и прошлое даетъ задачи и налагаетъ обязанности на будущее, отцы—на дѣтей. Полувѣковой юбилей заставляетъ насъ оглянуться на пройденный путь, даетъ намъ поводъ провѣрить себя, властно требуетъ отчета у нашей совѣсти, что сдѣлали мы съ наслѣдіемъ отцовъ, прибавили ли свою долю къ богатству предковъ? Манифестъ 19 февраля расчистилъ путь русскому народу, снялъ самыя тяжелыя оковы, но, вѣдь, это было не все. Свобода сама есть только условіе человѣческаго благополучія, за ней должно пойти второе условіе – работа, конечно, соединенная съ знаніемъ и любовью къ своему народу, къ человѣчеству, иначе она будетъ или тупой рутиной, или эгоистическимъ служеніемъ своимъ выгодамъ. Можемъ-ли мы съ сознаніемъ собственнаго достоинства сказать, что сдѣлали все, что отъ насъ требовалось, что мы правы передъ потомствомъ, что и мы когда-нибудь заслужимъ такихъ же поминокъ, какія справляемъ сейчасъ? Можемъ ли мы во всей очевидной скудости результатовъ истекшаго полувѣка винить только «независящія обстоятельства»? Да и есть ли такія, вполнѣ отъ насъ независящія обстоятельства?

Всѣ эти вопросы встаютъ невольно въ день подобный нынѣшнему, но мы упоминаемъ ихъ не для того, чтобы разливаться въ жалобахъ и упрекахъ. Мы должны смѣло и честно смотрѣть на вещи и не терзаясь безплоднымъ сожалѣніемъ о потерянномъ времени, бодро итти въ свою очередь на работу. Въ примѣрѣ отцовъ мы можемъ черпать силу и бодрость. Мы жалуемся на тягостныя условія работы,—они тягостны, но развѣ путь нашихъ отцовъ былъ усыпанъ розами? Не во сто ли разъ была труднѣе работа тогда при повальномъ невѣжествѣ, при ничтожной численности интеллигенціи, при маломъ распространеніи самыхъ элементарныхъ гражданскихъ понятій, при едва отошедшемъ въ вѣчность и живившемъ еще въ правахъ крѣпостномъ строѣ? И если жизнь все-таки стала лучше, если и мы въ свою очередь могли позволить себѣ мечты и попытки добиться лучшей жизни, то потому, что почва для этого была подготовлена трудомъ отцовъ, десятками лѣтъ культурной работы.

Мы не будемъ здѣсь перечислять всѣхъ вопіющихъ нуждъ русской жизни, не будемъ развивать программу дѣятельности. Мы слишкомъ часто это дѣлали, слишкомъ много говорили и слишкомъ медлили переходить къ дѣлу, или представляли себѣ слишкомъ упрощенно весь процессъ этой общественной работы, мы жаждали больше подвиговъ, чѣмъ дѣла, ждали больше чудесъ, чѣмъ плодовъ правильной и упорной работы. Къ ней зоветъ насъ теперь очередная задача,—великія событія и славные дни даются разъ-въ поколѣніе, за ними, подготовляя дальнѣйшіе шаги, идетъ ежедневная, иногда кропотливая, иногда захватывающая работа, и какъ бы ни были суровы условія, какъ бы ни была неблагодарна почва, какъ бы ни былъ на первое время скуденъ урожай,—мы обязаны воздѣлать ту почву, которая лежитъ передъ нами, требуетъ нашихъ рукъ и знанія и которая сама по себѣ ничего еще произвести не можетъ.

Моментъ, пережитый нами, во многомъ напоминаетъ эпоху освобожденія крестьянъ. Такъ-же, какъ и тогда, несостоятельнымъ оказался старый строй жизни, отчасти потому, что основанія, какія были заложены въ народной жизни въ шестидесятые годы, были искажены, отчасти потому, что они стали уже недостаточными. Свобода не дала всѣхъ плодовъ, которыхъ отъ нея ожидали, такъ какъ нѣтъ еще многаго, что должно ей сопутствовать: несмотря на свободу, осталось сословное отграниченіе народа отъ привиллегированныхъ, осталось духовное отчужденіе массы отъ интеллигентныхъ слоевъ, остались путы на частной предпріимчивости; если былъ минимумъ индивидуальной, то не было общественной свободы. Наступилъ и свѣжъ еще въ нашей памяти моментъ новаго перелома. Мы переживали его иначе, чѣмъ отцы, и хуже. Не яркое весеннее солнце, а октябрьскій туманъ встрѣтилъ первый день нашей конституціи, и тѣмъ не менѣе въ ней заложенъ зародышъ нашего развитія. Дастъ ли онъ плодъ, зависитъ уже въ значительной степени отъ нашихъ усилій. Несомнѣнно, наша задача труднѣе, чѣмъ задача шестидесятниковъ. Намъ недовольно одного провозглашенія принципа въ законѣ, нужно проведеніе его на практикѣ, недостаточно уничтоженія стѣсненій народной жизни, нужна ея организація. И какъ бы тяжелы ни были условія работы, мы обязаны работать, потому что это единственный путь улучшить самыя условія жизни. Подъ покровомъ и покровительствомъ самоуправленія должны быть взращены эти первые ростки; идя дальше вглубь народа, просвѣщеніе, кооперація, борьба съ народнымъ бѣдствіемъ пьянства, общественное и нравственное дисциплинированіе массъ должно создать условія перехода къ лучшему будущему. Эта работа невидная, она не дастъ намъ быстро радостнаго чувства побѣды, быть можетъ, не мы, а внуки наши

только воспользуюгся въ полной мѣрѣ ея плодами, но она—наша урочная работа, заданная намъ исторіей. Не будемъ жаловаться на несправедливость къ намъ судьбы, лишившей насъ красныхъ дней, не будемъ, сложа руки, ожидать лучшихъ временъ, какъ чуда и какъ милости, а будемъ сами созидать это лучшее будущее.

«Мертвые въ мирѣ почили,
Дѣло настало живымъ!»

Н. Езерскій.

Царь-Освободитель.

То не солнышко растопило льды,
Не разрывъ травой цѣпь разорвана,
Царь сказалъ свое слово властное,
И распалась цѣпь вѣковѣчная.
Не зеленый шумъ о веснѣ шумитъ,
Не съ горы бѣгутъ воды вешнія:
Слово царское огласило Русь
Долгожданною вѣстью радостной:
«Осѣни себя крестнымъ знаменьемъ,
Православный людъ! Встань, вчерашній рабъ,
И на новый путь, на свободный трудъ
Призови съ небесъ милость Божію!»

О. Бѣляевская.

Сегодня (5 марта 1861 г.) лучшій день моей жизни.

Слова Имп. Александра II.

Освободителемъ народа явился императоръ Александръ Николаевичъ II.

Онъ родился въ Москвѣ 17 апрѣля 1818 года, въ среду на Святой недѣлѣ. Поэтъ Василій Андреевичъ Жуковскій привѣтствовалъ рожденіе царственнаго младенца восторженными стихами, въ которыхъ мы находимъ такія слова:

«Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ!
Да славнаго участникъ славный будетъ!
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій: человѣкъ!»

И царь исполнилъ этотъ завѣтъ—быть *человѣкомъ*, чуткимъ къ горю народа.

Будущему государю суждено было расти и воспитываться подъ вліяніемъ прекрасныхъ, благородныхъ и талантливыхъ людей—поэта Жуковскаго и полковника Мердера. Воспитатели чувствовали, какая великая отвѣтственность лежитъ на нихъ: воспитать будущаго правителя великаго государства! И они съ честью выполнили свою задачу. Доб-

Царь-Освободитель

Александръ II.

(Клише работы Б. И. Вальдманъ).

рое сердце цесаревича, его ясный, живой умъ съ дѣтства были направлены къ тому, чтобы вникать въ окружающую жизнь: нести утѣшеніе печальному, состраданіе слабому, любовь униженному;—каждое хорошее движеніе высокой души маленькаго цесаревича подмѣчалось воспитателями и направлялось въ добрую сторону.

Вступая на престолъ въ 1855 году, въ тяжелый годъ Крымской войны, Александръ Николаевичъ имѣлъ уже твердое намѣреніе покончить съ крѣпостнымъ правомъ, въ которомъ онъ видѣлъ «узелъ всѣхъ золъ». Еще будучи наслѣдникомъ, Александръ Николаевичъ вмѣстѣ съ Жуковскимъ совершилъ путешествіе по Россіи и Сибири; онъ встрѣчалъ множество людей разнаго положенія, разныхъ сословій, бесѣдовалъ съ ними и могъ ознакомиться съ жизнью населенія многихъ мѣстъ Россіи.

Освобожденіе крестьянъ было дѣломъ нелегкимъ; приходилось государю вести борьбу съ обществомъ; было много людей, которые не сочувствовали намѣреніямъ царя; одни слухи о волѣ и то вызывали недовольство и ропотъ многихъ закоренѣлыхъ помѣщиковъ, которые не допускали мысли, что они могутъ остаться безъ даровыхъ работниковъ и слугъ.

Но воля государя была непреклонна: онъ дѣйствовалъ рѣшительно. Объѣзжая города, на всѣхъ торжественныхъ пріемахъ, которые ему всюду устраивались дворянами, онъ произносилъ рѣчи, объявляя о своемъ желаніи освободить крестьянъ; онъ просилъ дворянъ помочь ему и обдумать, какъ отпустить крестьянъ съ землею. Въ этомъ и было главное затрудненіе: земля принадлежала помѣщикамъ; крестьяне безъ земли становились нищими. Здѣсь нужна помощь самихъ помѣщиковъ, которые должны были облегчить государю совершить освобожденіе безъ обиды для себя и крестьянъ.

Государь самъ слѣдилъ за ходомъ освобожденія крестьянъ. Имена людей, которые, не жалѣя силъ, потрудились на пользу освободительнаго дѣла, должны быть памятны каждому русскому человѣку.

Главными помощниками государя были: его братъ Великій князь Константинъ Николаевичъ, Я. И. Ростовцевъ, Н. А. Милютинъ, С. С. Ланской, В. А. Черкасскій, Ю. Ф. Самаринъ, А. М. Унковскій, Я. А. Соловьевъ и др.

Великая княгиня Марія Павловна, супруга Константина Николаевича, принимала также участіе въ трудахъ комиссіи и первая пожелала освободить своихъ крестьянъ въ Полтавской губерніи.

Особенно много трудился Я. И. Ростовцевъ, предсѣдатель главной комиссіи. Тяжело больной Ростовцевъ и въ постели работалъ надъ составленіемъ записки о крестьянахъ, говоря: «Силы мои слабѣютъ, но я дѣла этого не оставлю до самой моей смерти. Одинъ саванъ отдѣлитъ меня отъ крестьянскаго вопроса.»

Онъ ободрялъ государя, который иногда падалъ духомъ, волнуясь промедленіемъ дѣла. Послѣднія слова Ростовцева были: „не бойтесь, государь!“ Смерть Ростовцева была тяжелымъ горемъ для Императора; взявъ посмертную записку Ростовцева, государь сказалъ: «Покойный оставилъ намъ какъ бы завѣщаніе, которое должно быть для насъ священнымъ.»

Наконецъ обсужденіе крестьянскаго вопроса перешло въ Государственный Совѣтъ. Государь сказалъ членамъ Совѣта: «Дѣло объ освобожденіи крестьянъ я считаю жизненнымъ для Россіи вопросомъ, отъ котораго будетъ зависѣть развитіе ея силы и могущества. У меня есть еще и другое убѣжденіе, а именно, что откладывать этого дѣла нельзя,

почему я требую отъ Государственнаго Совѣта, чтобы оно было имъ окончено въ первую половину февраля и могло быть объявлено къ началу полевыхъ работъ....Прошу только не забывать, что основаніемъ всего дѣла должно быть улучшеніе всего быта крестьянъ и улучшеніе не на словахъ только и не на бумагѣ, а на дѣлѣ».

19 февраля 1861 года была объявлена свобода. 5-го марта въ церквахъ, на площадяхъ, на улицахъ вездѣ читали манифестъ, и по всему міру разнеслись великія слова: „Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего благополучія и блага общественнаго."

Слезами радости и теплой молитвой отвѣчалъ народъ, слушая «про желанную свободу дорогую вѣсть.»

Царя привѣтствовали радостными кликами; рабочіе, крестьяне встрѣчали его хлѣбомъ-солью и выражали ему благодарность. Счастливый моментъ переживала Россія.

Послѣ освобожденія народа, Александръ II произвелъ въ государствѣ много различныхъ реформъ и, между прочимъ, уменьшилъ срокъ военной службы (вмѣсто 25 лѣтъ срокъ службы опредѣлился 5 лѣтъ); создалъ гласный судъ, для всѣхъ равный; отмѣнилъ тѣлесныя наказанія.

Вѣчная слава должна покрывать имя Царя-Освободителя, который далъ волю народу. Вѣчная память его сподвижникамъ, которые помогали ему въ этомъ великомъ дѣлѣ!

Великая реформа.

(19-е февраля 1861 г.—19-е февраля 1911 г.)

„Увижу-ль я, друзья, народъ неунѣтенный
И рабство, павшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ-ли, наконецъ, прекрасная заря."

А. С. Пушкинъ.

19-го февраля 1911 г. исполнится пятидесятилѣтіе со дня освобожденія крестьянъ отъ крѣпостного права. Въ виду этого умѣстно сказать нѣсколько словъ о значеніи совершившагося великаго событія.

Въ исторіи многихъ народовъ были страницы, гдѣ каждая строка пропитана слезами, потомъ и кровью, гдѣ попраніе человѣческаго достоинства, жестокая расправа и пытка занимали первое мѣсто и играли видную роль.

Въ крестьянской избѣ.
(Клише работы Б. И. Вальдманъ).

Въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія и нашъ русскій народъ. Почти триста лѣтъ тяготѣло надъ нашимъ крестьяниномъ крѣпостничество, которое въ нѣкоторыхъ случаяхъ мало чѣмъ отличалось отъ классическаго рабства античнаго міра. Тотъ знаменитый терминъ, которымъ римляне обозначали раба—instrumentum vocale—приложимъ и къ нашему крѣпостному крестьянину. Крестьянинъ дѣйствительно былъ живымъ инструментомъ, вещью въ рукахъ помѣщика. Помѣщикъ могъ распоряжаться этой вещью, какъ хотѣлъ: продавалъ ее и оптомъ, и въ розницу, мѣнялъ на другіе предметы, ссылалъ въ Сибирь, отдавалъ въ солдаты и т. д. Словомъ, за крестьяниномъ не признавалось никакихъ правъ. Даже священное право брака находилось всецѣло въ рукахъ помѣщика: ни одна крестьянская дѣвушка не могла безъ разрѣшенія «барина» выйти замужъ. Нѣкоторые сластолюбивые помѣщики въ этомъ отношеніи заходили слишкомъ далеко: они обзаводились цѣлыми гаремами, состоящими изъ крѣпостныхъ дѣвушекъ.

Если въ эпоху крѣпостничества нашъ крестьянинъ въ правовомъ отношеніи лишенъ былъ самыхъ элементарныхъ правъ человѣка, то не лучше дѣло обстояло съ нимъ и въ экономическомъ отношеніи. И здѣсь крестьянинъ всецѣло зависѣлъ отъ помѣщика. Живя на помѣщичьей землѣ, крестьянинъ работалъ на помѣщика, за что тотъ, по своему усмотрѣнію, заботился о немъ: удѣлялъ ему клочекъ земли для личнаго пользованія, наблюдалъ за исправностью его инвентаря и пр. Естественно, что такая зависимость крестьянина отъ помѣщика являлась главной помѣхой развитію отечественнаго земледѣлія. У крѣпостного крестьянина, какъ и у раба эпохи римской имперіи, не было внутреннихъ стимуловъ развивать и улучшать свое хозяйство, такъ какъ все то, что находилось въ его рукахъ, принадлежало не ему, а его патрону,—это съ одной стороны; съ другой—даровыя крестьянскія руки служили причиной медленнаго развитія техники въ сельскомъ хозяйствѣ.

Крѣпостное право, касаясь ближайшимъ образомъ отношеній крестьянъ и помѣщиковъ, въ то же время оказывало вліяніе и на остальныя стороны нашей общественной жизни. И турецкая война 1854—56 г.г. отлично показала намъ это. Послѣ войны для многихъ стало ясно, что русское государство въ соціально-экономическомъ отношеніи дошло до тупика, выходъ откуда возможенъ только при помощи коренной реформы. Наши государственные финансы были въ жалкомъ состояніи; у насъ не было почти промышленности и связанной съ ней торговли, да и какъ могли онѣ быть, когда не было на лицо наемнаго, свободнаго труда. Къ тому же отсутствовалъ всякаго рода капиталъ, такъ какъ въ странѣ царило натуральное хозяйство. Отсюда понятно, что относительно спроса и предложенія на предметы индустріи почти что не было. У нашего крѣпостного крестьянина—этого безправнаго и забитаго раба—уровень потребностей настолько былъ низокъ, что всѣ онѣ удовлетворялись своимъ несложнымъ хозяйствомъ.

Все это, взятое вмѣстѣ, говорило за то, что выходъ былъ необходимъ и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, ибо создавалось до чрезвычайности ненормальное положеніе: при огромномъ естественномъ богатствѣ Россія была самая бѣдная страна. Ей угрожалъ такой же крахъ, какъ и римской имперіи, она должна была погибнуть или отъ внутренней пугачевщины или ее поглотилъ-бы кто-нибудь изъ сосѣднихъ государствъ. Жребій былъ брошенъ, Россія пошла по пути реформъ.

Уже въ концѣ Крымской войны стали носиться слухи, что освобожденіе крестьянъ не за горами. Въ 1856 г. въ мартѣ мѣсяцѣ Александръ II, проѣзжая черезъ Москву, сказалъ депутатамъ московскаго дворянства слѣдующія слова: «слухи носятся, что я хочу объявить освобожденіе крѣпостного состоянія. Это несправедливо, а отъ этого

было нѣсколько случаевъ неповиновенія помѣщикамъ. Вы можете сказать это всѣмъ направо и налѣво. Я не скажу вамъ, чтобы я былъ совершенно противъ этого. Мы живемъ *въ такомъ вѣкѣ*, что со временемъ это должно случиться. Я думаю, что и вы одного мнѣнія со мною; слѣдовательно, гораздо лучше, чтобы это произошло *свыше*, нежели снизу». Изъ этихъ словъ Государя видно, что тогдашнее правительство сознавало необходимость и неминуемость реформы. И дѣйствительно, черезъ годъ правительствомъ былъ образованъ секретный «особый комитетъ», гдѣ предварительно стали разрабатываться тѣ общія положенія, по которымъ должна совершиться реформа. 18 февраля 1858 г. секретный комитетъ былъ превращенъ въ «главный комитетъ по крестьянскому дѣлу». Этимъ самымъ дѣло освобожденія крестьянъ становилось болѣе оффиціальнымъ и гласнымъ. Теперь уже для русскаго общества не стало тайной, что вопросъ о реформѣ не мертвъ, а дѣйствительность. Тогда на помощь правительству поспѣшила пресса и общественное мнѣніе, и вопросъ объ освобожденіи крестьянъ сталъ пользоваться всеобщимъ вниманіемъ. Послѣ долгихъ разговоровъ и споровъ въ главномъ комитетѣ и его редакціонныхъ комиссіяхъ былъ выработанъ проэктъ положенія, на основаніи котораго должна совершиться реформа. Въ началѣ 1861 г этотъ проэктъ сталъ закономъ, а 5-го марта былъ опубликованъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Я не буду здѣсь распространяться детально о томъ, что дала нашему крестьянину реформа. Мнѣ бы хотѣлось сказать нѣсколько словъ о вліяніи реформы на другія стороны нашего государственнаго механизма, въ частности на ростъ нашихъ городовъ и на ихъ все большее и большее значеніе въ государствѣ.

Тотъ идеализмъ на счетъ произведенной реформы, который охватилъ при освобожденіи крестьянъ лучшую часть нашего общества, черезъ нѣсколько лѣтъ смѣнился разочарованіемъ. Стали раздаваться голоса, что реформа не удалась. Указывали на растущее безземелье крестьянъ; состояніе крестьянскихъ хозяйствъ стало хуже, чѣмъ было оно до реформы, тѣмъ болѣе, что всякаго рода поборы ложились тяжелымъ бременемъ на плательщиковъ крестьянъ. Неурожаи цѣлаго ряда лѣтъ дополняли картину безотраднаго положенія бывшихъ рабокъ.

Въ этомъ, конечно, была большая доля правды. Только безземельемъ и малоземельемъ можно объяснить появленіе въ городахъ цѣлыхъ кадровъ свободнаго пролетаріата, который искалъ себѣ тамъ труда. Началось тяготѣніе деревни къ городу и городъ сталъ расти за счетъ деревни. Появились фабрики, заводы. Капиталъ, лежавшій дотолѣ въ кубышкахъ, могъ теперь, при появленіи наемнаго труда, дѣлать обороты.

Оживилась торговля.

Съ этихъ поръ русскій городъ мѣняетъ свою физіономію и онъ уже мало похожъ на городъ временъ Павла Ивановича Чичикова. Присутствіе въ немъ фабрикъ и заводовъ и развитіе торговли въ корнѣ покрываетъ патріархально-крѣпостные устои города. На сцену появляются новыя потребности, новыя правила и обязанности и даже, если хотите, новые обычаи и нравы. И если въ дореформенное время наши города находились на отеческомъ попеченіи Сквозникъ-Дмухановскихъ, то теперь такой порядокъ сталъ не мыслимъ.

Кромѣ того наши города въ настоящее время являются центрами не только промышленности и торговли, но и просвѣщенія и науки. И въ этомъ отношеніи они оказываютъ вліяніе не только на свою губернію, но даже далеко за предѣлы ея. Въ виду этого и самый составъ городскихъ обывателей мѣняется: если въ эпоху крѣпостного права обывателями города были дворяне, крѣпостные и купцы, то теперь группировка ихъ иная, къ дворянамъ и купцамъ присоединяются новые элементы: рабочіе и ремесленники съ одной стороны, капиталисты, представители науки и служащіе различныхъ профессій—съ другой.

Такимъ образомъ, видно какую огромную роль стали играть наши города въ соціальной жизни Россіи. Еще не такъ давно между нѣкоторыми группами нашей интеллигенціи велся споръ о томъ, пойдетъ-ли Россія въ своемъ экономическомъ развитіи по пути западныхъ государствъ, или нѣтъ. Одна сторона утверждала, что Россіи не миновать этого пути, что въ ней, какъ и на Западѣ, появится и будетъ расти пролетаріатъ, что деревня будетъ стремиться къ городу и т. д. Другая сторона утверждала обратное. Россія страна земледѣльческая,—говорила она,—и останется таковой. Жизнь разрѣшила споръ въ пользу первой стороны*). Освобожденіе крестьянъ дало толчекъ къ развитію промышленности въ нашемъ отечествѣ, а съ ней и росту капитала со всегдашнимъ спутникомъ его пролетаріатомъ. Города, повторяю, росли и становились центромъ, куда бывшій крѣпостной, спасаясь отъ безземелья, бѣжалъ въ объятья капитала. Хотя еще Россія по преимуществу продолжаетъ быть страной земледѣльческой, но она уже прочно встала на путь капитализма. И, кто знаетъ, можетъ быть, ее ждетъ хотя и въ извѣстной только степени, такая же участь, какая постигла, положимъ, Англію, которая тоже когда-то была по преимуществу страной земледѣльческой.

И. Правдинъ.

*) Категорическое утвержденіе автора является спорнымъ и по настоящее время. Вопросъ этотъ огромной важности и въ нашемъ журналѣ мы не можемъ его достаточно освѣтить. *Редакція.*

Освобожденіе крестьянъ.

„Разбита рабства цѣпь. Вставайте, мертвецы!
Вставайте, Лазари, изъ гроба вѣкового,
Гдѣ вы родились, гдѣ отжили отцы!
Прощеніе прошлому. Забвеніе былого!
Оплотъ косныхъ и порчи сокрушонъ.
На свѣтъ, на Божій свѣтъ скорѣе выходите!
Гражданне новые, привѣтъ вамъ и поклонъ!
Богъ помочь, братья вамъ! Богъ помочь въ новомъ бытѣ!“

Розенгеймъ.

Крѣпостная зависимость крестьянъ возникла не сразу. Въ древней Руси были холопы, то есть настоящіе рабы, которые принадлежали господину, какъ вещь, —это были или военно-плѣнные, или неоплатные должники, но крестьяне были свободны. Да и холопская неволя была не такъ тяжела, потому что кругомъ было много свободныхъ пустыхъ земель, а порядку было мало: холопу легко было покинуть хозяина и трудно было его разыскать, а если холопъ или крѣпостной нѣсколько лѣтъ не разыскивался, то становился вольнымъ. Вольные крестьяне обязаны были платить подати и нести службу государю, (сперва князю, потомъ московскому царю), но не принадлежали никому, и если обрабатывали помѣщичью землю, то жили, какъ нынѣшніе батраки или арендаторы, могли отъ помѣщика отойти. Однако крестьяне обыкновенно задолжали помѣщикамъ и это связывало ихъ. Кромѣ того, въ то время у правительства было слишкомъ мало судей и чиновниковъ, чтобы самому входить во все, и многое было предоставлено на усмотрѣніе помѣщиковъ, которые становились какъ бы начальниками своей округи. За ихъ государеву службу имъ жаловались *помѣстья*, но чтобы отъ нихъ прокормиться, помѣщику нужны были рабочія руки, а рабочихъ тогда было мало, потому что во-

Царь-Освободитель у гробницы своего отца наканунѣ изданія Манифеста.

(Клише работы Б. И. Вальдманъ).

обще народу жило на Руси тогда гораздо меньше, чѣмъ теперь, а свободной земли было кругомъ много. Такъ какъ помѣщики жаловались, особенно тѣ, кто былъ побѣднѣе, что ихъ земли остаются безъ обработки, и что богатые сманиваютъ у нихъ крестьянъ, внося ихъ долги, то Борисъ Годуновъ рядомъ указовъ лишилъ крестьянъ права переходить отъ одного помѣщика къ другому и, такимъ образомъ, крестьяне оказались *прикрѣпленными*, но не къ помѣщику, а къ землѣ, на которой засталъ ихъ указъ. Помѣщикъ все же оставался ихъ начальникомъ, имѣлъ право суда и расправы надъ ними, но самъ обязанъ былъ отбывать государеву службу за пользованіе своимъ помѣстьемъ, которое государь могъ и отобрать у него. На ряду съ этимъ были и такія земли, которыя принадлежали помѣщикамъ въ полную собственность и назывались *вотчинами*. Но постепенно разница между помѣстьями и вотчинами сгладилась, всякая земля стала считаться полной собственностью помѣщика, а съ нею и живущіе на ней крестьяне. Не столько по закону, сколько обычаемъ, эти крестьяне стали все болѣе обращаться въ личную собственность помѣщика, хотя сперва были прикрѣплены къ землѣ и должны были только обрабатывать помѣстье и платить оброкъ. Постепенно помѣщики стали отрывать крестьянъ отъ земли, напр., для личнаго услуженія у себя въ домѣ (дворовые люди), а потомъ и продавать ихъ отдѣльно отъ земли. Власть помѣщика, которая и по закону была велика, стала еще больше отъ того, что не было никакого надзора за тѣмъ, чтобы помѣщики не злоупотребляли своей властью, а сами крестьяне были безотвѣтны. Если помѣщикъ раззорялъ крестьянъ непосильными поборами или мучилъ ихъ жестокими наказаніями, то имѣніе его могло быть взято въ опеку правительствомъ, но дѣлалось это рѣдко, да и опекуновъ хорошихъ найти было трудно. Крупный помѣщикъ былъ тогда такой силой въ своей округѣ, что его всѣ боялись, а высшее правительство въ столицѣ было далеко и не могло за всѣми услѣдить. Разумѣется, умный помѣщикъ понималъ, что его богатство зависитъ отъ крестьянъ, что не въ его расчетѣ дать упасть крестьянскому хозяйству; у иныхъ помѣщиковъ крестьяне могли уходить на сторону на заработокъ, наживали торговлей большіе капиталы и выкупались на волю, у хорошихъ помѣщиковъ встрѣчалось иногда отеческое отношеніе къ крѣпостнымъ; бывало, что крѣпостной мальчикъ выросталъ вмѣстѣ съ бариномъ или дворовый, взятый въ дядьки, до самой смерти оставался при своемъ барчукѣ и любилъ его, какъ сына; наши писатели не разъ изображали такихъ дядекъ. Но даже и у хорошаго барина крестьяне не могли быть увѣрены въ своемъ благосостояніи; добрый баринъ могъ умереть, могъ отдать имѣніе въ приданое дочери, продать, заложить его, могъ самъ раззориться и тогда крестьяне переходили нежданно-негаданно къ новому барину, съ которымъ все ихъ благополучіе кончалось. Каковъ бы ни былъ баринъ, крѣпостная зависимость вредила народу тѣмъ, что убивала въ немъ охоту работать, улучшать свою участь, потому что все, что сработано ими, могло быть у нихъ отобрано. Вообще положеніе крѣпостного, неравнаго всѣмъ другимъ людямъ, пригнетало и тяготило ихъ: на всякое дѣло, на всякую отлучку надо было спросить барина; отъ барина зависѣло женить крестьянина на комъ вздумается или сдать его въ солдаты или переселить въ другую губернію, и все, что пріобрѣталъ крестьянинъ, считалось принадлежащимъ помѣщику.

Еще за сто лѣтъ до освобожденія образованные люди стали понимать, какъ вредно крѣпостное право и не только одному крестьянину, а всему государству: рабочему человѣку не было расчета стараться наживать, увеличивать свое благосостояніе, потому что оно было необезпечено, а потому народъ дѣлался вялымъ, лѣнивымъ. мирился съ самымъ плохимъ житьемъ, и государство бѣднѣло; баринъ, обезпеченный дворовымъ трудомъ своихъ крѣпостныхъ, тоже не имѣлъ нужды стараться добыть больше богатства, предпринимать что-нибудь новое, учиться, работать,— сами помѣщики дѣлались отъ этого болѣе вялыми, лѣнивыми, чуждались всего новаго, и постепенно многіе изъ нихъ сами раззорялись. Много богатства лежало въ землѣ русской неиспользованнаго, потому что никто его не разрабатывалъ; даже и вывезти его было нельзя, потому что не было порядочныхъ дорогъ, слишкомъ дорого было перевозить по нимъ что-либо. Торговля отъ всего этого была слабая, а потому и города не могли расти и богатѣть. Государство слабѣло отъ крѣпостного права, какъ человѣческое тѣло отъ долгой болѣзни. Ослабляли его и смуты, возникавшіе отъ того же крѣпостного права; народъ иногда отвѣчалъ на притѣсненія безпорядками, и его приходилось усмирять военной силой. Особенно тяготиться крѣпостнымъ правомъ народъ сталъ съ тѣхъ поръ, какъ помѣщики были освобождены отъ обязательной службы государству, которая была какъ бы платой государству за трудъ крѣпостныхъ: послѣ этого закона, изданнаго въ 1762 году, народъ ожидалъ, что и онъ будетъ освобожденъ отъ своей службы помѣщикамъ. Явился самозванецъ Пугачевъ, который назвался именемъ только что умершаго Петра Третьяго, объявилъ крестьянамъ волю и тѣмъ привлекъ на свою сторону огромное количество народа, взялъ нѣсколько городовъ—Астрахань, Саратовъ, *Пензу*, и правительству пришлось военной силой усмирить бунтъ: Пугачевъ былъ выданъ своими сторонниками и казненъ въ Москвѣ, но самый бунтъ показалъ, что крѣпостное право нестерпимо для народа.

Чѣмъ больше становилось на Руси образованныхъ людей, тѣмъ яснѣе стали понимать, тѣмъ горячѣе стали писатели доказывать весь вредъ крѣпостничества, видѣли, что оно противорѣчитъ Евангелію, которое всѣхъ людей признаетъ братьями, что оно претитъ чувству любви къ людямъ, что образованному человѣку стыдно смотрѣть на другого человѣка, какъ на свою собственность. Были случаи, что помѣщики добровольно освобождали своихъ крестьянъ и даже надѣляли ихъ землей: такъ были отпущены въ Пензенской губ. крестьяне богатаго барина Киселева, получивъ при этомъ въ надѣлъ нѣсколько тысячъ десятинъ. Но это все были рѣдкіе случаи. Нуженъ былъ общій законъ, который бы развязалъ крестьянъ и помѣщиковъ. И все же почти сто лѣтъ прошло съ пугачевскаго бунта до освобожденія.

Немудрено, что такъ долго держался прежній порядокъ. Вообще коренныя измѣненія государственной жизни даются не легко. Много было людей, которые сопротивлялись отмѣнѣ крѣпости, потому что не хотѣли лишиться дарового труда, много было и такихъ, которые боялись, какъ бы народъ не погубилъ государства безпорядками, если надъ нимъ не будетъ помѣщичьей власти. Поэтому сперва старались поправить дѣло одними ограниченіями злоупотребленій. Еще при Императорѣ Павлѣ I было запрещено помѣщикамъ гонять народъ на барщину больше трехъ дней въ недѣлю, было запрещено продавать крестьянъ на базарахъ, продавать се-

мьи въ раздробь, но все это мало помогало дѣлу, потому что, какъ сказано, некому было смотрѣть за помѣщиками и взыскивать за нарушеніе законовъ. Нужно было отмѣнить крѣпостное право въ корнѣ. Это-то и старались доказывать въ своихъ книгахъ ученые люди. Кромѣ ученыхъ, много помогли дѣлу освобожденія народа тѣ писатели, которые въ повѣстяхъ и разсказахъ изображали тяжелое положеніе народа, какъ Гоголь, Тургеневъ, Григоровичъ. Въ самомъ помѣщичьемъ сословіи многіе лучшіе люди мечтали объ освобожденіи и готовы были помочь дѣлу.

Въ разговорахъ, спорахъ и колебаніяхъ прошло все царствованіе Императора Николя Павловича (съ 1825 по 1855 годъ). Подъ конецъ его случилась несчастная для насъ война Крымская, гдѣ отличилась своей геройской защитой Севастопольская крѣпость. Несмотря на геройство солдатъ, мы остались побѣжденными, и Севастополь вынужденъ былъ сдаться, и это потому, что у насъ не было хорошаго вооруженія, не было дорогъ, чтобы подвозить войско,—а война велась на окраинѣ государства,—солдаты были плохо обучены, вообще оказалось, что мы во всемъ отстали отъ своихъ сосѣдей и стали слабѣе другихъ народовъ. Это окончательно убѣдило правительство, что надо покончить съ крѣпостнымъ правомъ и говорятъ, Императоръ Николай I на смертномъ одрѣ завѣщалъ своему наслѣднику, будущему Императору Александру II, освободить крестьянъ.

Императоръ Александръ II вступилъ на престолъ 19 февраля 1855 года и, покончивъ съ несчастной войной миромъ въ 1856 году, немедленно приступилъ къ преобразованіямъ, изъ которыхъ впереди всѣхъ стояло освобожденіе крестьянъ. Уже въ 1858 году были учреждены по губерніямъ комитеты, то есть собранія представителей дворянства и чиновниковъ для совѣщанія о томъ, какъ произвести это освобожденіе, а въ Петербургѣ былъ учрежденъ Главный Комитетъ, который долженъ былъ разсматривать все, что написано губернскими комитетами, и окончательно составить законъ объ уничтоженіи крѣпостной зависимости.

Послѣ долгихъ споровъ и борьбы разныхъ партій было рѣшено, что крестьяне выйдутъ на волю сразу, что помѣщичья власть будетъ уничтожена совсѣмъ, а власть надъ крестьянами будетъ дана крестьянскому же міру и тѣмъ чиновникамъ, которые поставлены отъ правительства; что за личный трудъ крестьянина помѣщикъ не получитъ никакого вознагражденія и что крестьянамъ должна быть нарѣзана земля въ достаточномъ для ихъ прокормленія размѣрѣ, но за эту землю помѣщикъ долженъ получить вознагражденіе. По каждому уѣзду должна быть опредѣлена *норма*, то есть высшій размѣръ надѣла, который достаточенъ для прокормленія души (напр. въ Пензенской губ. $3^1/_4$ десятины), и по числу освобождаемыхъ душъ изъ помѣщичьей земли должно быть нарѣзано каждому крестьянскому обществу нужное количество десятинъ. Число душъ было тогда только что въ 1858 году исчислено (по десятой ревизіи, т. е. переписи), такъ что нынѣшнія ревизскія (номинальныя) души были тогда еще фактически наличными. То, что у помѣщиковъ оказывалось свыше нормы, оставалось въ ихъ пользованіи, но было позволено оставлять и больше, однако не менѣе третьей части высшаго полнаго душевого надѣла; впрочемъ, позволено было нарѣзать и четверть надѣла, но съ условіемъ, что въ такомъ случаѣ земля отходила крестьянамъ даромъ, (такъ называемый дарственный надѣлъ). За землю, отходившую крестьянамъ, за исключеніемъ этихъ дарственныхъ надѣловъ въ четверть души, помѣщикъ дол-

женъ былъ получить вознагражденіе, которое опредѣлялось по соразмѣрности съ тѣми оброками, которые платили ему крѣпостные передъ волей. Сперва послѣ объявленія воли крестьяне должны были временно отрабатывать помѣщику за землю извѣстное число рабочихъ дней въ году (такъ называемые временно-обязанные), но правительство не хотѣло, чтобы дѣло стало на этомъ, потому что это все же было вродѣ прежней барщины. Было желательно, чтобы крестьяне окончательно выкупили себѣ въ собственность землю, отведенную имъ. Однако какъ же было это сдѣлать, когда у только что освобожденныхъ изъ крѣпости крестьянъ не было на то денегъ? Здѣсь казна приходила на помощь такимъ образомъ: помѣщикъ получалъ отъ казны плату за свою землю не прямо деньгами, а выкупными свидѣтельствами, то есть такими бумагами, по которымъ казна платила 5% въ годъ и которыя можно было при желаніи свободно продавать, т. е. передавать другимъ это право полученія процентовъ. Всѣ условія выкупа должны были быть опредѣлены по взаимному соглашенію помѣщика и крестьянъ и вносились въ уставную грамоту; съ этимъ кончались и временно-обязанныя отношенія обѣихъ сторонъ, оставались у крестьянъ только расчеты съ казной: такъ какъ казна платила помѣщику проценты, а постепенно погашала по частямъ и самый долгъ за землю, то въ возвратъ этихъ расходовъ казна взыскивала съ крестьянъ деньги: выходило такъ, что земля имъ была какъ бы продана въ разсрочку на 49 лѣтъ, а казна взяла на себя обязанность банка для облегченія покупки. Отсюда возникли и выкупные платежи, которые были прекращены только манифестомъ 3 ноября 1905 года. Изъ всей цѣны земли небольшую часть—20 коп. на рубль—крестьяне должны были заплатить сами и большею частью тоже въ разсрочку. Выкупныя деньги должны были дать помѣщикамъ возможность устроить хозяйство по новому, съ вольнонаемнымъ трудомъ. Чтобы облегчить ихъ соглашеніе съ крестьянами, была утверждена особая должность мировыхъ посредниковъ. Тѣмъ не менѣе, переговоры тянулись долго и еще 20 лѣтъ спустя послѣ воли оставались временно-обязанные, пока не вышелъ въ 1881 году уже при Императорѣ Александрѣ III законъ, который предписалъ обязательно произвести окончательный выкупъ земли. Эта *выкупная операція*, какъ ее называли, была произведена въ очень обширныхъ размѣрахъ: казною было выдано выкупныхъ свидѣтельствъ на 700 милліоновъ рублей.

И такъ, три года безъ малаго проработали мѣстные комитеты, и главный петербургскій,—такъ называемыя *редакціонныя комиссіи*,—надъ составленіемъ новаго закона «Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости».

Дѣло освобожденія народа было, конечно, слишкомъ велико, чтобы одинъ человѣкъ могъ съ нимъ справиться. На немъ честно поработали многіе, и имена ихъ народу надо тоже помнить и чтить. Наконецъ 19 февраля 1861 года Императоръ Александръ II подписалъ манифестъ, которымъ 23 милліона крестьянъ были выпущены на волю, стали гражданами своего отечества, начали новую жизнь.

Трудно было наладить новыя отношенія, не легка была работа тѣхъ людей, которые были призваны помочь народу въ этомъ: барину трудно было привыкнуть къ мысли, что у него нѣтъ прежней власти, крестьянинъ не всегда понималъ свои новыя права и какъ надо ими пользоваться. Были ошибки и промахи въ самомъ законѣ объ освобожденіи, какъ

во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ. Мѣстами земля была оцѣнена слишкомъ высоко, мѣстами ея нарѣзано было слишкомъ мало. Особенно вреднымъ оказалось разрѣшеніе нарѣзать четверть надѣла: крестьяне часто льстились на это во-первыхъ, потому что тогда земля отходила даромъ, а во-вторыхъ, многіе изъ этого ошибочно поняли, что потомъ и всю землю отдадутъ даромъ, и не соглашались на выкупъ. Съ тѣхъ поръ полвѣка прошло, взявшіе дарственный надѣлъ остались на маленькомъ клочкѣ земли, и дѣти ихъ платятся за ошибку отцовъ. Но какъ бы то ни было, главное обезпеченіе народу—земля была дана, крестьянство сдѣлалось не только вольнымъ, а до извѣстной степени равноправнымъ съ другими сословіями, получило право голоса въ мѣстномъ самоуправленіи; во всемъ государствѣ, несмотря на трудность реформы почувствовалось вѣяніе новой жизни, какъ будто свѣжимъ вѣтромъ пахнуло на всю русскую жизнь. Писатель Тургеневъ, говоря объ этомъ времени, такъ рисуетъ его: «Новое принималось плохо, старое всякую силу потеряло; неумѣлый сталкивался съ недобросовѣстнымъ; весь поколебленный бытъ ходилъ ходуномъ, какъ трясина болотная, и только одно великое слово «свобода» носилось, какъ Божій духъ надъ водами... Но минулъ годъ, за нимъ минулъ другой, начинался третій. Великая мысль осуществлялась по немногу, переходила въ плоть и кровь: выступилъ ростокъ изъ брошеннаго сѣмени, и ужъ не растоптать его врагамъ—ни явнымъ, ни тайнымъ». Много явилось тогда людей, которые искренно послужили народу сперва на должности мировыхъ посредниковъ, потомъ мировыми судьями, земскими гласными, которые внесли много свѣта и пониманія права въ народную среду. Если не всѣ надежды благороднаго Ростовцева и его друзей сбылись, если народъ до сихъ поръ не выбился изъ нужды и невѣжества, то въ этомъ вина послѣдующихъ обстоятельствъ, а отчасти вина того же крѣпостного права, слѣды котораго до сихъ поръ не изгладились въ народной душѣ: народное невѣжество, лѣнь, равнодушіе къ улучшенію своей жизни, рознь и взаимное недовѣріе—все это тяжелое наслѣдствіе вѣковъ крѣпостничества, и полвѣка оказалось еще недостаточно, чтобы справиться съ ними. Но все же 19 февраля было какъ бы днемъ рожденія русскаго крестьянства, и Александръ II, получившій за него прозвище «Царь-Освободитель», и его сподвижники великіе и малые, знатные и простые вывели изъ мрака народъ, заложили основаніе новой Россіи. Многое, что они тогда задумали, намъ еще приходится додѣлывать или улучшать, и много еще работы предстоитъ намъ. Сравнивая одного изъ главныхъ дѣятелей этой эпохи Николая Милютина съ кузнецомъ, поэтъ Некрасовъ писалъ ему надгробное стихотвореніе:

„Чуть колыхнулось болото стоячее,
Ты ни минуты не спалъ,
Лишь не остыло бъ желѣзо горячее,
Ты безъ оглядки ковалъ.
„Въ чемъ погрѣшу и чего не додѣлаю,“—
Думалъ—„исправятъ потомъ!“
Грубо ковалъ ты, но руку умѣлую
Видно довлѣ во всемъ.
Съ кѣмъ ты дѣлился душевною повѣстью,
Тотъ тебя знаетъ одинъ.
Спи безмятежно съ спокойною совѣстью,
Честный кузнецъ-гражданинъ!“

N.

Реформы Александра II.

«Воля, братья, Это только
Первая ступень
Въ царство мысли, идъ сіяетъ
Вѣковѣчный день».

(А. Майковъ).

«Благочестивыми воздвигнутъ были руками,
Какъ благолѣпный храмъ, Россіи новый строй».

(А. М. Жемчужниковъ).

Н. А. Милютинъ.
(Клише работы Б. И. Вальдманъ).

Свобода составляетъ для человѣка необходимое условіе дѣятельности, но это только первое условіе,—отсутствіе стѣсненія въ работѣ. Чтобы работа была плодотворна, человѣкъ долженъ жить дружно съ другими, нужна взаимная поддержка, нужны учрежденія, которыя помогаютъ человѣку лучше устроить свою жизнь, охраняютъ необходимый для всѣхъ порядокъ, поддерживаютъ слабыхъ и двигаютъ впередъ отсталыхъ. Поэтому послѣ освобожденія народа нужно было подумать о такихъ учрежденіяхъ. Старыя учрежденія не годились, власть помѣщичья была отмѣнена и обновлять надо было все государство. Всюду надо было дать больше самостоятельности, больше простору развернуться силамъ народнымъ.

Для этого пришлось создавать совсѣмъ новыя учрежденія. До тѣхъ поръ все, что было на Руси, находилось подъ управленіемъ чиновниковъ. Только дворянское сословіе имѣло нѣкоторую самостоятельность и вело свои сословныя дѣла черезъ своихъ выборныхъ. Рѣшено было дать вообще всѣмъ городамъ и уѣздамъ самоуправленіе, то есть право самимъ вѣдать собственныя дѣла, заботиться о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ черезъ своихъ выборныхъ. Такія учрежденія были въ глубокую старину на Руси, но давно были отмѣнены и исчезли изъ памяти народной. Императоръ Александръ II явился основателемъ новаго у насъ самоуправленія уже не сословнаго, а земскаго, общаго для всѣхъ жителей земли. Въ губерніяхъ и уѣздахъ было создано земство, а въ городахъ городскія думы, бывшія и раньше, но подчиненныя чиновникамъ.

Зачѣмъ нужно было это самоуправленіе? Почему нельзя было поручить все, что требовалось для страны, по прежнему чиновникамъ? Опытъ

Крымской войны показалъ, что мы отстали во всемъ отъ другихъ народовъ; у насъ въ деревнѣ не было школъ, дорогъ, больницъ, торговля въ городахъ была мало развита, всякая предпріимчивость стѣснялась законами и излишнимъ надзоромъ, на всякое дѣло нужно было спрашивать разрѣшеніе начальства и подолгу ждать отвѣта. Отъ недостатка знанія, отъ мелкихъ стѣсненій многія богатства не разрабатывались, пропадали втунѣ. Нужно было оживить все государство, предоставить жителямъ самимъ устраивать свои мѣстныя дѣла и для того избирать довѣренныхъ лицъ. Мѣстный житель больше, чѣмъ пришлый чиновникъ, знаетъ нужды своей окрестности и лучше сумѣетъ придумать, какъ помочь себѣ и сосѣдямъ. Вѣдь, въ каждой мѣстности свои нужды, свои промыслы, да и по богатству разныя губерніи, города и уѣзды сильно отличаются другъ отъ друга. Потребностей вездѣ много, не хватитъ ни людей, ни денегъ удовлетворить все сразу; нужно выбрать самыя настоятельныя, неотложныя, а это могутъ рѣшить скорѣй и вѣрнѣй мѣстные люди; они же могутъ скорѣй выбрать изъ своей среды знающихъ нужды, толковыхъ и опытныхъ людей, для того чтобы вести мѣстныя дѣла. Работая на глазахъ у всѣхъ, выборнымъ важно заручиться хорошимъ мнѣніемъ о себѣ мѣстныхъ жителей, во-первыхъ, потому, что это ихъ земляки, во-вторыхъ, потому, что ихъ выбираютъ на срокъ, и если они плохо работаютъ, ихъ могутъ не выбрать на новый срокъ. Если въ городѣ школы или улицы плохи, если въ городскомъ хозяйствѣ безпорядокъ, все населеніе отъ этого страдаетъ и знаетъ, кто виновникъ безпорядка: говоритъ ли гласный въ думѣ, завѣдуетъ ли членъ управы школами и больницами, ведетъ ли городскую постройку,—его слова и дѣла на виду у всѣхъ. Поэтому у него больше желанія стараться, чѣмъ у чиновника, который зависитъ только отъ своего начальства, а начальство издали не можетъ судить о его работѣ иначе, какъ по его же докладамъ. Вотъ почему мѣстные выборные люди будутъ всегда больше радѣть о мѣстномъ благоустройствѣ, будутъ лучшими хозяевами своего уѣзда, чѣмъ чиновникъ, назначенный хотя бы изъ мѣстныхъ жителей, но неотвѣтственный передъ ними. Самому правительству удобнѣе, когда часть заботъ переложена на мѣстныхъ выборныхъ, къ которымъ оно само иногда обращается за помощью, спрашиваетъ ихъ мнѣнія, собираетъ отъ нихъ свѣдѣнія о мѣстныхъ нуждахъ. Немаловажно тоже, что на такой мѣстной работѣ люди учатся общественному, какъ бы сказали въ старину, государеву дѣлу; изъ нихъ потомъ выходятъ люди, способные разсуждать о государственныхъ дѣлахъ. Когда учреждена была Государственная Дума, на каждыхъ выборахъ проходило въ народные представители много земцевъ, то есть людей, которые раньше уже были извѣстны на мѣстѣ своей земской или городской выборной службой.

Земскому или городскому самоуправленію поручены мѣстныя нужды, то есть такія, которыя можно и должно удовлетворять мѣстными средствами, а именно: заботы о народномъ просвѣщеніи (школы, библіотеки), о народномъ здравіи (водопроводы, аптеки, назначеніе докторовъ, фельдшеровъ, акушерокъ), о дорогахъ и вообще средствахъ сообщенія (улицы, телефонъ), о поддержаніи мѣстныхъ промысловъ, напр., кустарныхъ и сельскаго хозяйства, (назначеніе руководителей по сельскому хозяйству—агрономовъ); страховка и мѣры противъ пожаровъ, противъ падежа скота; призрѣніе неимущихъ, изданіе обязательныхъ постановленій для жителей

возбужденіе ходатайствъ о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ передъ высшимъ правительствомъ.

Такъ какъ всѣ перечисленныя дѣла требуютъ денегъ, то городскимъ думамъ и земству предоставлено право облагать жителей налогами, которые берутся съ цѣнности или доходности земли и построекъ, промышленныхъ и торговыхъ предпріятій въ уѣздѣ или городѣ и взыскиваются одновременно съ государственными сборами, отчего народъ ихъ всегда не различаетъ. Сумма земскихъ и городскихъ сборовъ опредѣляется по тому, какія нужды земское собраніе, или городская дума признаетъ неотложными, а чтобы распредѣлить ихъ равномѣрно безъ обиды для каждаго, производится оцѣнка всего имущества и перечетъ всѣхъ жителей городовъ и уѣздовъ.

Какъ устроены органы самоуправленія? Жители города или уѣзда, обладающіе извѣстнымъ имуществомъ, опредѣленнаго въ законѣ размѣра, избираютъ гласныхъ городской думы или уѣзднаго земскаго собранія. Избранные гласные собираются и опредѣляютъ, какія мѣры помощи, какія учрежденія нужны населенію города или уѣзда, какія нужно издать обязательныя постановленія, сколько нужно денегъ на городское или земское хозяйство, сколько нужно собрать съ населенія налоговъ, какъ ихъ распредѣлить.

Гласные уѣзднаго собранія и городской думы избираютъ гласныхъ губернскаго собранія, которые рѣшаютъ тѣ же вопросы для всей губерніи. Для исполненія постановленій земскаго собранія или городской Думы собраніе избираетъ на 3—4 года уѣздную земскую или городскую управу изъ предсѣдателя (городского головы) и нѣсколькихъ членовъ, которые распредѣляютъ между собой отдѣльныя отрасли напр., школа, больницы, дороги и приглашаютъ нужныхъ служащихъ,—секретарей, бухгалтеровъ, писцовъ для управы, врачей, учителей, агрономовъ, страховыхъ агентовъ и проч., производятъ постройки, сдаютъ подряды и тому подобное. Всѣ важнѣйшія дѣла рѣшаются *коллегіально*, то есть по совѣщанію всего состава управы, и хотя текущая работа лежитъ главнымъ образомъ на наемныхъ земскихъ или городскихъ служащихъ, но руководство работой всего отдѣла и отвѣтственность за него передъ земскимъ собраніемъ или думой лежитъ на Управѣ. Управа ежегодно представляетъ собранію или думѣ отчетъ о своей дѣятельности. Для провѣрки отчета и вообще всей работы управы, состоянія кассы, построекъ и предпріятій земское собраніе или дума избираетъ ревизіонную комиссію, которая докладываетъ ему правильно ли составленъ отчетъ, нѣтъ ли какихъ упущеній въ дѣлѣ и какъ ихъ исправить.

Земство было введено въ 1864 и 1865 г. За время своего 45-лѣтняго существованія русское городское и земское самоуправленіе сдѣлали очень много для улучшенія народной жизни, просвѣщенія и благосостоянія своихъ согражданъ. Это особенно ясно видно, если сравнить число школъ, больницъ, состояніе дорогъ въ земскихъ и не земскихъ губерніяхъ. Земство создало первую правильную народную школу и распространило въ народѣ хорошую книгу, приложило усилія къ подъему сельскаго хозяйства, вытѣсняетъ соху плугомъ, соломенную крышу желѣзною. Оно дало народу безплатную медицинскую помощь, теперь заводитъ всюду безплатныхъ уже руководителей по сельскому хозяйству и по разнымъ промысламъ. Для равномѣрности обложенія, для выясненія народныхъ нуждъ и

положенія крестьянскаго хозяйства земствомъ производились, а въ Пензенской губерніи теперь производится обширная перепись населенія, оцѣнка земель, обслѣдованіе промысловъ. Эти *статистическія* переписи впервые дали точныя и подробныя свѣдѣнія, какъ живетъ и работаетъ русскій народъ; онѣ служатъ и ученымъ, пишущимъ книги о Россіи, и земскимъ, и государственнымъ дѣятелямъ, составляющимъ новые законы; съ этими свѣдѣніями яснѣй становится, въ чемъ народная нужда и какія есть средства помочь ей. Кромѣ того земства разныхъ губерній и городскія думы возбудили нѣсколько сотъ ходатайствъ о разныхъ народныхъ нуждахъ, высказывали свое мнѣніе о недостаткахъ старыхъ законовъ или о предлагавшихся къ изданію новыхъ законахъ, и правительство часто пользовалось этими указаніями.

Въ 1870 году было издано Городовое Положеніе. Городовое Положеніе очень оживило города, которые вообще стали сильно развиваться, благодаря отмѣнѣ крѣпостного права, проведенію желѣзныхъ дорогъ, росту промышленности и торговли, подтверждая мнѣніе, что крѣпостное право стѣсняло не однихъ крестьянъ, а всѣхъ жителей; много теперешнихъ горожанъ происходятъ изъ крѣпостныхъ семей и только благодаря волѣ могли перебраться въ городъ *).

Третьей важной реформой царствованія Императора Александра Второго была судебная. Освобожденному народу надо было дать судъ вмѣсто прежняго помѣщичьяго, но надо было преобразовать и старые суды, издавна существовавшіе для другихъ сословій и для важныхъ преступленій. Суды эти были плохи, потому что всѣ дѣла велись тамъ келейно, тянулись подолгу, иногда невинные годами сидѣли въ тюрьмѣ въ ожиданіи суда, часто случались злоупотребленія, которыя вызвали поговорку «съ богатымъ не судись, съ сильнымъ не тягайся»; бумагъ по каждому дѣлу накоплялось столько, что когда дѣло объ одномъ откупщикѣ надо было послать въ Петербургъ, то для перевозки его пришлось нанять цѣлый обозъ; въ судахъ царила «неправда черная» по выраженію поэта Тютчева.

Нужна была коренная перестройка суда, и Александръ II произвелъ ее Судебными Уставами, которые изданы 20 ноября 1864 года и до сихъ поръ носятъ его имя.

Чѣмъ новые суды отличаются отъ старыхъ? Во-первыхъ, судъ теперь гласный, всякій можетъ притти и слушать любое дѣло (за исключеніемъ дѣлъ семейныхъ или такихъ, гдѣ судится оскорбленіе Государя Императора или преступленіе противъ нравственности), каждый можетъ судить, справедливо ли рѣшеніе. О болѣе важныхъ дѣлахъ пишутъ въ газетахъ, такъ что всѣ читатели газетъ освѣдомлены о нихъ, и судьи стараются разбирать дѣла правильно, чтобы заслужить хорошую славу. Во-вторыхъ, судьи по закону признаются независимыми и несмѣняемыми, то есть начальство не можетъ ни уволить, ни перемѣстить судью безъ его желанія, не можетъ отъ него потребовать, чтобы онъ вынесъ такой-то приговоръ;

---

*) Въ одномъ изъ ближайшихъ №№ „Гор. Вѣсти,“ будетъ напечатана не законченная къ юбилейному № по болѣзни автора статья „Вліяніе освободительной эпохи реформъ на городскую жизнь вообще и въ частности на дѣятельность городского самоуправленія въ Россіи“. *Ред.*

судья обязанъ считаться только съ законами и съ своей совѣстью и можетъ быть лишенъ своей должности только по суду, и потому ему не надо заботиться, кому угодить. Третье отличіе то, что судъ разбираетъ дѣла устно. Правда, и теперь по гражданскому дѣлу приходится подавать прошенія, представлять документы, но рѣшается дѣло не только по документамъ: къ разбору обязательно вызываются обѣ стороны: истецъ и отвѣтчикъ, судъ выслушиваетъ ихъ объясненія и долженъ дать высказаться каждому, такъ судья скорѣй можетъ добраться до правды, да и злоупотреблять ему труднѣе, потому что его работа на виду. Не можетъ и одна изъ сторонъ, напр. истецъ, сплутовать, перетолковать въ свою пользу документъ, потому что отвѣтчикъ тутъ же присутствуетъ и можетъ ему сейчасъ же возразить. Для неопытныхъ въ судебныхъ дѣлахъ людей есть присяжные повѣренные, особо подготовленные къ этому люди, дѣйствующіе подъ надзоромъ самого суда.

Въ уголовномъ судѣ, гдѣ рѣшается судьба человѣческая, гдѣ, значитъ, ошибка или злоупотребленіе судьи было бы еще опаснѣе, чѣмъ въ гражданскомъ, Судебные уставы 1864 года ввели совсѣмъ новое у насъ учрежденіе—судъ присяжныхъ. Изъ всѣхъ сословій избираются по жребію люди, которые присутствуютъ при разборѣ уголовнаго дѣла, могутъ сами предлагать подсудимому и свидѣтелямъ вопросы, требовать себѣ разъясненій у предсѣдателя, а затѣмъ имъ приходится рѣшать вопросъ, виновенъ ли подсудимый въ томъ, въ чемъ обвиняется, не заслуживаетъ ли снисхожденія. Только если присяжные признаютъ его виновнымъ, судъ назначаетъ ему наказаніе. При томъ въ теченіе разбора дѣла подсудимому даютъ возможность оправдаться, вызвать своихъ свидѣтелей, давать объясненія; если онъ самъ не умѣетъ защититься, то имѣетъ право взять защитника, а если не имѣетъ средствъ на то, то судъ обязанъ ему назначить казеннаго защитника безплатно. Въ чемъ преимущество суда присяжныхъ? Люди, взятые для суда на короткій срокъ (обыкновенно недѣлю, много двѣ), внимательнѣе относятся къ дѣлу, чѣмъ заправскіе судьи. Будучи изъ одного сословія съ подсудимымъ, они лучше могутъ понять, что толкнуло его на преступленіе, если онъ его совершилъ, слѣдуетъ ли его покарать. Такъ какъ вопросъ рѣшаютъ 12 присяжныхъ и никто посторонній не знаетъ, какъ голосовалъ каждый, то ихъ трудно запугать и не было случая, чтобы они дались на подкупъ Ихъ называютъ *судомъ совѣсти*, потому что они не стѣснены никакими формальными правилами, выносятъ приговоръ исключительно по совѣсти и могутъ даже оправдать сознавшагося преступника, если находятъ, что онъ не заслуживаетъ наказанія, такъ какъ согрѣшилъ по какому-нибудь исключительному стеченію обстоятельствъ или уже достаточно претерпѣлъ за содѣянное. Конечно, и судъ присяжныхъ можетъ ошибиться, но все-таки это лучшій изъ человѣческихъ судовъ.

Для мелкихъ дѣлъ—исковъ до 500 руб., личныхъ обидъ, мелкихъ кражъ—Уставы Александра II также ввели новое учрежденіе—мировой судъ. Для мелкихъ дѣлъ важно, чтобы они разбирались быстро и чтобы судья былъ близко, потому что изъ-за нихъ не стоитъ расходоваться. Мало того, для нихъ не требуется большой мудрости или обширнаго знанія законовъ, но за то нужно близкое знакомство съ мѣстными условіями и обычаями. Поэтому судьей долженъ быть мѣстный человѣкъ. А чтобы изъ мѣстныхъ жителей выбрать наиболѣе заслуживающаго уваже-

нія и довѣрить ему такое важное дѣло, какъ судъ, нужно предоставить самимъ мѣстнымъ жителямъ выбирать его изъ своей среды. Если онъ будетъ выбираться на срокъ, то при неудачномъ первомъ выборѣ на слѣдующій срокъ выберутъ другого судью, да и судья, чувствуя свою отвѣтственность передъ избирателями, будетъ стараться оправдать довѣріе, какъ земскій гласный или членъ управы. На этомъ основаніи Судебные Уставы предоставили выбирать мировыхъ судей городскимъ думамъ и земскимъ собраніямъ. Мировой судъ впервые показалъ народу, что такое равный, близкій и справедливый судъ. Теперь мировые судьи остались въ столицахъ и самыхъ большихъ городахъ, а въ остальныхъ замѣнены городскими судьями (по назначенію отъ правительства) и земскими начальниками, но правила судопроизводства (гласность и проч.) остались для нихъ тѣ же, что для мировыхъ судей.

Четвертой великой реформой царя Александра II было введеніе всеобщей воинской повинности. Прежде солдатская служба была очень тяжела: солдаты служили подолгу—25 лѣтъ, ученіе ихъ было тяжелое и часто подвергали ихъ мучительнымъ наказаніямъ за малѣйшую провинность. А служили въ солдатахъ только податныя сословія: дворяне были освобождены отъ обязательной службы, богатые купцы легко могли откупиться отъ нея за деньги, выставивъ вмѣсто себя охотника (рекрутскія квитанціи), одинъ народъ несъ тяжесть защититы отечества. Императоръ Александръ II прежде всего сократилъ срокъ службы до 7 лѣтъ (теперь три года), замѣнилъ всѣ жестокія наказанія въ войскѣ, а затѣмъ въ 1874 году былъ изданъ законъ о всеобщей воинской повинности: теперь каждый гражданинъ обязанъ прослужить установленный срокъ въ войскѣ или на кораблѣ; если кому оказывается льгота, то только по болѣзни или по семейному положенію (остав) ляется дома кормилецъ семьи одинаково для всѣхъ сословій, срокъ же службы сокращается (даже до одного года) только для грамотныхъ и вообще образованныхъ: чѣмъ образованнѣе, тѣмъ короче срокъ службы, потому что образованный можетъ скорѣе и легче усвоить все нужное для солдата. Да и учатъ теперь болѣе толково, только тому, что дѣйствительно нужно для войны, а не напоказъ. Главнымъ дѣятелемъ по преобразованію арміи былъ Дмитрій Алексѣевичъ Ми-

Фельдмаршалъ графъ Д. А. Милютинъ.
(Клише работы В. И. Вальдмана).

лютинъ, братъ Николая Милютина, пожалованный за свои заслуги титуломъ графа и высшимъ чиномъ—фельдмаршала. Это единственный изъ главныхъ сподвижниковъ Александра II, который еще живъ: ему уже за 90 лѣтъ, онъ давно уже въ отставкѣ и живетъ на покоѣ въ Крыму.

Вскорѣ послѣ введенія всеобщей воинской повинности произошла у насъ война съ Турціей ради славянъ (болгаръ, сербовъ), которыхъ притѣсняли турки, завоевавшіе ихъ нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ. Россія заступилась за нихъ, побѣдила турокъ и освободила отъ турецкаго ига этихъ славянъ, нашихъ братьевъ по крови и вѣрѣ. Война эта (1877—1878 г.г.) показала, что новые солдаты, несмотря на короткій срокъ службы и отсутствіе жестокихъ наказаній, лучше прежнихъ, забитыхъ.

Кромѣ четырехъ главныхъ реформъ—освобожденія крестьянъ, введенія самоуправленія и новаго суда и преобразованія арміи—царствованіе Александра II ознаменовалось и другими также важными реформами. Преобразованы были университеты и самое число ихъ прибавилось, были введены впервые женскія гимназіи, начали учреждаться народныя училища, такъ что народъ становился просвѣщеннѣе. *) Были изданы новые законы о печати, которые дозволили свободнѣе, чѣмъ прежде, и издавать книги и газеты, отчего появилось много новыхъ книгъ и это тоже содѣйствовало просвѣщенію, а газеты освѣдомляли народъ о всемъ, что происходитъ у насъ и за границей, и народъ началъ лучше понимать государственныя дѣла. Отмѣнена была откупная система, причинявшая много зла народу, и замѣнена акцизнымъ сборомъ съ вина. Былъ преобразованъ государственный контроль, то есть учрежденіе, повѣряющее поступленіе государственныхъ доходовъ и производство расходовъ, отчего стало меньше злоупотребленій и народная копѣйка стала бережнѣе расходоваться: по мысли тогдашняго государственнаго контролера Татаринова чиновники контроля сдѣланы независимыми отъ того начальства, которое они повѣряютъ, чтобы не боялись раскрывать упущенія и злоупотребленія, гдѣ ихъ найдутъ. Облегчены были условія учрежденія акціонерныхъ компаній и проведенія желѣзныхъ дорогъ, отчего въ Россіи возникло много новыхъ предпріятій и проведены въ это царствованіе главныя желѣзныя дороги Европейской Россіи. Въ это же царствованіе окончательно замиренъ Кавказъ, покорена часть Средней Азіи и для русскаго народа открылось новое поле приложенія своего труда.

Всѣ реформы того времени были направлены къ тому, чтобы помочь народу увеличить свое благосостояніе, уравнять сословія, сдѣлать Россію страною свободныхъ и просвѣщенныхъ гражданъ. На что не оглянемся, во всемъ видимъ плоды той эпохи. И помянувъ въ нынѣшній день ея дѣятелей, мы должны стараться итти по ихъ пути, оставить въ свою очередь наслѣдство своимъ дѣтямъ, сдѣлать отечество болѣе богатымъ, сильнымъ, просвѣщеннымъ, чѣмъ мы его застали. Ибо,—говоря словами поэта,—

„Какъ бы ночь не длилася
И небо не темнила,—
А все разсвѣта намъ не миновать!“

N.

*) Въ портфелѣ редакціи имѣется статья „Вліяніе освободительной эпохи на развитіе педагогической мысли и школьнаго дѣла“, которая будетъ напечатана въ слѣдующемъ № 4 „Гор. Вѣсти.“ *Ред.*

Отмѣна крѣпостного права и вліяніе ея на народное хозяйство.

Крѣпостное право, какъ историческая эпоха, наложило огромную тѣнь на народную хозяйственную жизнь. Жизнь эта только тогда можетъ прогрессировать, когда имѣется болѣе или менѣе обширное поле для личной или общественной самодѣятельности. Нечего говорить, что о такой самодѣятельности въ эпоху крѣпостного права не могло быть и рѣчи. Правда, городскіе жители, не потерявшіе своихъ правъ, имѣли возможность проявлять свою самодѣятельность, но доминирующее значеніе въ томъ отношеніи имѣло сельское сословіе, сдавленное тисками крѣпостничества. Принудительный трудъ сдѣлалъ то, что сельское хозяйство осталось въ первобытномъ состояніи.

Освобожденіе крестьянъ имѣло цѣлью не только сдѣлать свободною личность крестьянина, оно призывало крестьянство къ свободному труду, залогу домашняго благополучія и блага общественнаго.

Насколько же этотъ свободный трудъ оказалъ благотворное вліяніе на народно-хозяйственную жизнь?

По выходѣ изъ крѣпостного состоянія крестьяне получили землю, за которую должны были платить выкупные платежи. Условія полученія земли были крайне тяжелы. Прежде всего земля была дана въ небольшихъ размѣрахъ. Во-вторыхъ, размѣръ выкупныхъ платежей былъ высокъ и не соотвѣтствовалъ стоимости полученныхъ земель. Для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ выкупные платежи были исчислены въ размѣрѣ 897 милліоновъ рублей, тогда какъ продажная стоимость отведенной земли по даннымъ того времени равнялась всего 648 милліонновъ рублей. На самомъ дѣлѣ бывшіе помѣщичьи крестьяне заплатили выкупныхъ платежей не 897 милліоновъ рублей, а 1.544 милліона рублей.

Новое положеніе крестьянства требовало однако участія ихъ въ денежныхъ повинностяхъ государству, наконецъ, къ этимъ послѣднимъ присоединились повинности земскія и мірскія.

Все это могло только плохо повліять на хозяйство крестьянъ.

По изслѣдованію профессора Янсона въ 12 нечерноземныхъ губерніяхъ Россіи обрабатываемая крестьянами земля можетъ только прокормить крестьянъ, не покрывая другихъ нуждъ крестьянина*). Въ иныхъ губерніяхъ (напр. Новгородской) платежи съ десятины земли равнялись ея стоимости, а у помѣщичьихъ крестьянъ выкупные платежи очень часто равнялись 180—210% стоимости земли.

Тягость податнаго положенія еще увеличивалась подушной податью, въ среднемъ равною 85½ коп. съ десятины.

Выхода изъ своего тяжелаго положенія крестьянство не нашло. Можно было возлагать надежду на развитіе площади культурныхъ растеній, но этого не случилось, такъ какъ прежде всего культурное хозяйство мыслимо только въ культурныхъ условіяхъ. Сверхъ того рынокъ не требовалъ культурныхъ растеній. Отхожій промыселъ и кустарничество если

*) В. П. Дроздовъ. Экономическое положеніе пореформеннаго крестьянства. Въ сборникѣ „Крѣпостное право и реформы 19 февраля". М. 1911.

и помогло отчасти улучшить крестьянское хозяйство, то и они были каплею въ морѣ.

Крестьянство бѣднѣло съ каждымъ годомъ. Подать отнимала 26—40% общаго дохода. Аренда обходилась крайне дорого и не окупала труда. Недоимки росли, достигая десятковъ милліоновъ рублей. Наряду съ этимъ начинается и недоѣданіе крестьянства. Неурожайные годы, далѣе голодъ, а вмѣстѣ съ нимъ цынга, голодный тифъ. Частыя голодовки, бѣдность, антигигіеничныя и антисанитарныя условія повліяли на вырожденіе крестьянства.

Правительство, конечно, не могло не обратить своего вниманія на положеніе крестьянства. Оно приняло рядъ мѣръ: уменьшило подати, выкупные платежи, устроило Крестьянскій поземельный банкъ, организовало переселеніе крестьянъ въ Сибирь. Но эти мѣры, мѣры частнаго характера, не могли въ болѣе или менѣе короткій срокъ повліять на крестьянское хозяйство.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что экономическая сторона освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, была очень тяжела для крестьянъ. Эти тяжелыя условія отрицательно отразились на крестьянскомъ хозяйствѣ страны, которое въ свою очередь, не могло не отразиться и на положеніи всего народнаго хозяйства.

Евг. П. Шевченко.

Русскіе писатели и поэты и крѣпостное право*).

Ты чудо изъ Божьихъ чудесъ,
Ты мысли свѣтильникъ и пламя,
Ты лучъ намъ на землю съ небесъ,
Ты намъ человѣчества знамя.
Ты гонишь невѣжество, ложь,
Ты вѣчною жизнію ново,
Ты къ правдѣ, ты къ благу ведешь,
Свободное слово!
Зачѣмъ огражденья всегда
Власть ищетъ лишь въ рабствѣ народа?
Гдѣ рабство, тамъ бунтъ и бѣда,
Защита отъ бунта—свобода.
Рабъ въ бунтѣ—ужаснѣй звѣрей;
На ножъ онъ мѣняетъ оковы.
Оружье свободныхъ людей—
Свободное слово.
О слово, даръ Бога святой!
Кто слово, даръ Божескій, связжетъ,
Тотъ путь человѣку иной,
Путь рабства кровавый укажетъ.
На козни, на вредную рѣчь
Въ тебѣ исцѣленье готово,
О, духа единственный мечъ,
Свободное слово!

К. Аксаковъ.

Вспоминая съ благодарнымъ чувствомъ 19 февраля имя Царя Освободителя и самоотверженныхъ работниковъ освободительнаго дѣла, мы должны вспомнить съ любовью имена и тѣхъ людей, которые пробуждали въ русскомъ обществѣ добрыя чувства и напоминали счастливымъ и довольнымъ о страданіяхъ народа.

Мы говоримъ о нашихъ великихъ писателяхъ. Если человѣкъ владѣетъ даромъ слова, онъ имѣетъ большую власть надъ людьми; онъ словомъ увлекаетъ толпу, ведетъ ее за собой. Велика надъ людьми власть писателя: думы писателя, выраженныя прекрасными образами или складными, пріятными какъ музыка словами, летятъ по всему міру, напоминая людямъ о красотѣ природы, о правдѣ Божіей, о любви. Поэтъ подмѣчаетъ каждую мелочь жизни. Онъ укажетъ намъ зло, несправедливость; онъ разбудитъ нашу совѣсть и напомнитъ намъ долгъ по отношенію къ ближнему.

Въ тяжелую пору крѣпостничества одинъ за другимъ выступали писатели, которые въ своихъ сочиненіяхъ разсказывали о горькой жизни крѣпостныхъ, о жестокости ихъ притѣснителей.

---

*) Въ слѣдующихъ №№ „Гор. Вѣсти." будутъ напечатаны замѣтки: „Крѣпостной строй и реформа 19 февраля въ литературѣ" и „Книги, вышедшія къ юбилею крестьянской реформы". *Ред.*

Еще при императрицѣ Екатеринѣ Второй Фонвизинъ написалъ комедію «Недоросль», гдѣ онъ изобразилъ жизнь людей въ домѣ грубой помѣщицы Простаковой, онъ осудилъ и крѣпостное право и то воспитаніе, которое помѣщики давали своимъ дѣтямъ въ старину.

Великій поэтъ Пушкинъ тоже разсказалъ намъ о временахъ крѣпостныхъ въ своихъ повѣстяхъ и со скорбью говорилъ, какъ тяжело дышалось въ деревнѣ, гдѣ «барство дикое безъ чувства, безъ закона присвоило себѣ и трудъ, и собственность и время земледѣльца».

Тотъ же Пушкинъ сказалъ съ тоскою:

„Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство, павшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?"

Гоголь, наблюдая русскую жизнь, содрогнулся: сколько зла творилось кругомъ въ темной Россіи. Крѣпостное право губило не только крестьянъ, но и помѣщиковъ: ослѣпленные властью люди становились грубыми, жестокими и теряли человѣческій образъ. Въ своей повѣсти «Мертвыя души» и комедіи «Ревизоръ» Гоголь представилъ намъ въ смѣшномъ видѣ много дурныхъ, уродливыхъ людей—помѣщиковъ и чиновниковъ.... Но не для смѣха онъ писалъ, а въ поученіе: отъ смѣха недалеко было до слезъ. Пушкинъ, прочитавъ «Мертвыя души», воскликнулъ: «Боже, какъ грустна наша Россія!» Самъ Гоголь говорилъ: «смѣюсь сквозь видимый міру смѣхъ и незримыя міру слезы».

Какъ грустна была наша Россія, когда народъ жилъ въ рабствѣ, и не было на Руси образованія, объ этомъ говорили и другіе писатели, которые любили Россію и хотѣли, чтобы наша родина стала просвѣщенной, свободной страной. Грибоѣдовъ, Лермонтовъ, Бѣлинскій, Грановскій, Добролюбовъ, Гончаровъ, Григоровичъ, Тургеневъ, Левъ Толстой, Аксаковъ, Салтыковъ-Щедринъ, Некрасовъ, Никитинъ, Кольцовъ, Достоевскій и многіе другіе своимъ смѣлымъ словомъ напоминали обществу о его долгѣ передъ несчастной Родиной и передъ народомъ и послужили дѣлу народнаго освобожденія. Много грустныхъ пѣсенъ сложилъ поэтъ Некрасовъ о жизни крестьянской, и за то его прозвали «пѣвцомъ народнаго горя»; эти пѣсни вызывали жалость къ обиженнымъ въ сердцахъ чуткихъ людей. Особенно важное значеніе имѣла для общества въ крѣпостную пору книга Тургенева «Записки охотника». Въ ней разсказано много о жизни крѣпостныхъ людей: Тургеневъ повѣдалъ много намъ о тягости крѣпостной неволи и открылъ, сколько талантовъ, сколько добрыхъ и хорошихъ людей скрывается въ простомъ народѣ. Читая разсказы Тургенева, общество училось понимать душу простолюдина и любить его. «Записки охотника» были любимой книгой Царя—Освободителя и укрѣпляли его въ желаніи освободить народъ. Императоръ Александръ II говорилъ: «Съ тѣхъ поръ, какъ я прочиталъ «Записки охотника», меня ни на минуту не оставляла мысль о необходимости освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости». Вѣчная слава пѣвцамъ народа, пѣвцамъ нашего русскаго горя и нашей радости,—писателямъ Русской земли!

В. Г. Бѣлинскій и крестьянская реформа. *)

„Бѣлинскій былъ особенно любимъ...
Молясь твоей многострадальной тѣни,
Учитель! передъ именемъ твоимъ
Дозволь смиренно преклонить колѣни!..
Ты насъ гуманно мыслить научилъ,
Едва-ль не первый вспомнилъ о народѣ,
Едва-ль не первый ты заговорилъ
О равенствѣ, о братствѣ, о свободѣ...

(Некрасовъ. „Медвѣжья охота").

Въ день, когда вся Россія празднуетъ память освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, мы не можемъ не вспомнить трогательный и нѣжный образъ «неистоваго Виссаріона».

Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій, нашъ землякъ, **) много сдѣлалъ для подготовки и укрѣпленія въ обществѣ мысли о необходимости коренныхъ реформъ русской жизни.

Бѣлинскій не былъ только литературнымъ критикомъ въ узкомъ смыслѣ слова, онъ былъ крупнымъ общественнымъ дѣятелемъ, съ рѣчью народнаго трибуна, съ сердцемъ горячо любящаго Россію человѣка.

Чтобы вполнѣ понять и оцѣнить значеніе Бѣлинскаго для его эпохи, необходимо вспомнить, чѣмъ была до его появленія русская литература, какова была современная критика.

Въ разсказахъ и стихахъ того времени изображались обыкновенно томныя рѣчи влюбленныхъ, блаженство пастушковъ, на берегу ручейка ведущихъ нѣжные разговоры, воркованье и вздохи при лунѣ и т. п. сантиментальныя вещи. Романы историческіе высокимъ, надутымъ слогомъ повѣствовали о подвигахъ красавцевъ, удивляющихъ міръ своимъ геройствомъ на фонѣ нѣжной любви къ очаровательнымъ дамамъ, или мрачнаго злодѣйства какихъ-то выходцевъ ада. Въ бытовыхъ романахъ передавалось объ исключительно хорошихъ поступкахъ однихъ и закоренѣлой неисправимости другихъ. Персонажи этихъ романовъ такъ и носили имена «Правдиныхъ», «Добросердовыхъ», «Лицемѣровыхъ», чтобы читатель зналъ напередъ, чего можно ожидать отъ даннаго типа. Мало появлялось разсказовъ и повѣстей изъ народнаго быта, а если и писались такіе, то въ нихъ поверхностно изображали внѣшнія детали народной жизни, описывая армяки, зипуны, сарафаны и заставляя выводимыхъ лицъ говорить какимъ-то нарочито дубовымъ языкомъ, употребляя особо вульгарные обороты, дикія шутки.

Критики того времени, давая отзывы о литературныхъ произведеніяхъ, подробно разбирали детали, отдѣльныя выраженія Не выясняя общихъ задачъ литературы, не укрѣпляя ея значенія, какъ средства будитъ общественную мысль, они, обыкновенно, восхищались той или иной подробностью, тѣмъ или инымъ оборотомъ рѣчи.

---

*) Въ одномъ изъ ближайшихъ №№ „Вѣстника" редакція намѣрена дать статью о другомъ знаменитомъ писатель эпохи реформъ—поэтѣ Н. А. Некрасовѣ и его значеніи въ дѣлѣ крестьянской реформы. Ред.

**) Род. въ г. Чембарѣ, Пензенской губ.

В. Г. Бѣлинскій выступилъ въ 1834 г. въ «Отечественныхъ запискахъ», лучшемъ журналѣ того времени. Его обзоры русской литературы были совершенной новостью въ русской критикѣ. Онъ обратилъ вниманіе на связь литературы съ жизнью, на зависимость литературныхъ произведеній отъ историческихъ и бытовыхъ условій того момента, когда они появились. Начиная съ Ломоносова, въ произведеніяхъ котораго онъ отмѣтилъ вліяніе реформъ Петра I, Бѣлинскій далъ первые историческіе обзоры литературы, создалъ исторію русской литературы.

Въ очередныхъ критическихъ статьяхъ, разбирая вновь появляющіяся произведенія, Бѣлинскій ставилъ требованіе, чтобы въ нихъ правильно изображалась жизнь нашего народа.

Людямъ двадцатаго вѣка трудно себѣ представить, какимъ непониманіемъ, а подчасъ презрѣніемъ, встрѣчала критика того времени многія произведенія Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Кольцова. «Борисъ Годуновъ» Пушкина далъ поводъ нѣкоторымъ критикамъ говорить объ упадкѣ таланта великаго писателя. Гоголя упрекали за то, что объектомъ своихъ наблюденій онъ избралъ «подлыхъ» людей, разсказывалъ объ обыкновенныхъ, мало замѣчательныхъ людяхъ.

Бѣлинскій подробно доказываетъ необходимость простоты описанія русской дѣйствительности. «Упорствуя, волнуясь и спѣша», онъ горячо рекомендуетъ читателямъ произведенія молодыхъ писателей-реалистовъ Кольцова, Тургенева, Григоровича, Достоевскаго.

Его статьи узнавали безъ подписи. Такъ оригиналенъ и необычно ярокъ былъ его языкъ среди тусклыхъ и нудныхъ писаній другихъ критиковъ. Его энтузіазмъ заражалъ. Онъ иногда даже рѣзко возставалъ противъ рутинныхъ взглядовъ людей, смотрѣвшихъ на литературу, какъ на забаву въ часы отдыха.

«Антонъ Горемыка» и другія повѣсти Григоровича и разсказы изъ помѣщичьей и крестьянской жизни Тургенева сильно повліяли на общество правдивымъ изображеніемъ народнаго быта. Разбирая эти произведенія, Бѣлинскій останавливается на вопросѣ о существованіи въ Россіи крѣпостного права. «Ужасное зрѣлище страны, гдѣ люди торгуютъ людьми» возбуждаетъ его горячее негодованіе. «Самые живые, современные вопросы въ Россіи теперь,—пишетъ онъ,—уничтоженіе крѣпостного права, отмѣна тѣлеснаго наказанія, введеніе по возможности строгаго выполненія хотя тѣхъ законовъ, которые уже есть. Вотъ вопросы, которыми тревожно занята вся Россія въ ея апатичномъ снѣ».

И Бѣлинскій всю жизнь неутомимо старался разбудить свою родину отъ этого сна. Онъ указывалъ своимъ читателямъ на тѣ произведенія, въ которыхъ раскрывается психологія русскаго крестьянина, утверждается въ крѣпостномъ рабѣ человѣкъ. Въ душной атмосферѣ крѣпостничества онъ пробуждалъ горячее чувство состраданія къ низшимъ классамъ. Его статьи въ «Отечественныхъ Запискахъ», а позднѣе въ «Современникѣ», вездѣ, куда доходили эти распространенные журналы, будили человѣческую мысль, развивали общественное мнѣніе и вліяли на молодое поколѣніе. Мыслящіе русскіе люди въ провинціи ждали съ нетерпѣніемъ новыхъ книжекъ журнала со статьями «неистоваго Виссаріона».

Эти статьи подготовили почву для эпохи великихъ реформъ.

14 лѣтъ работалъ Бѣлинскій, защищая права угнетенной личности, бичуя общественныя язвы.

Умеръ Бѣлинскій молодымъ, ему не было еще и 40 лѣтъ. Онъ почти 13 лѣтъ не дожилъ до осуществленія своей завѣтной мечты—освобожденія крестьянъ. Но его роль въ этомъ великомъ дѣлѣ несомнѣнна. Не одинъ изъ дѣятелей реформы находился подъ вліяніемъ его горячаго слова, и все русское общество въ значительной мѣрѣ приняло и выполнило этотъ необходимый актъ освобожденія, помня завѣты великаго публициста. И вызывая въ настоящее время великую тѣнь знаменитаго критика, заставляя современнаго читателя на нѣсколько минутъ задержать свое вниманіе на свѣтломъ образѣ «неистоваго Виссаріона,» невольно хочется процитировать слѣдующія слова Кн. П. А. Вяземскаго: «въ наше время надобно мертвыхъ ставить на ноги, чтобы напугать и усовѣстить живую наглость и отучить отъ нея ротозѣевъ, которые ей дивятся съ колѣнопреклоненіемъ».

А. Ч.

Привѣтствіе отъ Лермонтовскаго О-ва Пензенскому Городскому Общественному Управленію въ день юбилея крестьянской реформы*).

Правленіе Лермонтовскаго Общества поручило мнѣ, М. Г-ри и М. Г-ни, привѣтствовать отъ имени Общества Городское Управленіе и Васъ, собравшихся здѣсь, и помянуть радостный день русской исторіи и почтить благоговѣйно память Императора Александра II-го и всѣхъ его сотрудниковъ,—дѣятелей эпохи освобожденія крестьянъ. Да сохранится въ нашихъ сердцахъ, сердцахъ русскихъ людей, память о Немъ и о нихъ! Мнѣ, какъ представителю Общества имени М. Ю. Лермонтова, да позволено будетъ напомнить здѣсь о дѣятельности величайшаго изъ сотрудниковъ Императора—о дѣятельности русской литературы.

«Въ долгіе, тяжкіе годы, когда въ Россіи «вездѣ царилъ невѣжества позоръ», русская литература подготовляла общество къ эпохѣ Александра II-го; вмѣстѣ съ Пушкинымъ она вопрошала судьбу:

„Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство, павшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ-ли, наконецъ, прекрасная заря?"

Въ чаяніи этой «прекрасной зари», русская литература свершала свой подготовительный подвигъ: она воспитывала живыя души образованнаго русскаго общества, начиная отъ прекрасной души Царя Освободите-

---

*) Означенное привѣтствіе авторомъ его, К. Р. Евграфовымъ, должно было быть произнесено во время торжественнаго акта, который долженъ былъ по постановленію Гор. Думы, состояться въ вечеръ 19 февраля. *Ред.*

ля до послѣдняго малопримѣтнаго сотрудника Его, для этого великаго момента. Въ двухъ направленіяхъ воздѣйствовала она на общество. Въ незабвенныхъ художественныхъ созданіяхъ она съ одной стороны являла предъ читателями образованнаго правящаго сословія образы представителей простого русскаго народа, закрѣпощеннаго, служившаго «подъ тягостнымъ ярмомъ» историческимъ задачамъ государства русскаго—и своимъ господамъ. Въ этихъ безотвѣтныхъ, сѣрыхъ, убогихъ, несчастныхъ, униженныхъ и оскорбленныхъ «рабахъ» она показывала господамъ *«человѣка»*, его страдающую душу, вызывала симпатію къ нему и состраданіе, учила понимать и любить его, видѣть въ немъ брата во Христѣ, заставляла чувствовать сердцемъ, какія раны и язвы причиняетъ этому образу и подобію Божію отношеніе къ нему, какъ къ вещи—объекту крѣпостного права,—не того, что было установлено писанными статьями свода законовъ, а того крѣпостного права, которое было узаконено бытомъ и жестокими нравами, и «губительнымъ позоромъ невѣжества»: законъ попирался, его не существовало для слабыхъ, порабощенныхъ и нерѣдко всѣ усилія благородныхъ душъ защитить крѣпостныхъ сѣнью закона разбивались о царящіе нравы и дореформенную судебную волокиту. Даже громы съ высоты Престола были безсильны возстановить всеобщую силу закона: они карали отдѣльныхъ крупныхъ нарушителей закона, человѣческаго и божескаго, но были безсильны противу повседневнаго зла, которое рождается неизбѣжно, когда одна душа человѣческая разсматривается, какъ собственность другой, какъ предметъ купли-продажи, а эта другая облечена властію и поставлена орудіемъ въ собственномъ дѣлѣ—надъ собственными крѣпостными...

„Не видя слезъ, не внемля стону,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона,
Присвоило себѣ насильственной лозой
И трудъ, и собственность, и время земледѣльца.
Склонясь на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ,
Здѣсь рабство тощее тащится по браздамъ
Неумолимаго владѣльца.
Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ;
Надеждъ и склонностей въ душѣ питать не смѣя,
Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ
Для прихоти развратнаго злодѣя.
Младые сыновья, товарищи трудовъ,
Изъ хижины родной идутъ собою множить
Дворовыя толпы измученныхъ рабовъ“...

При такомъ положеніи только одна художественная литература могла карать это зло. Жалость и сочувствіе къ жертвѣ—самая страшная казнь палачу. Давно умерли эти маленькіе деспоты, сплошь и рядомъ, въ темнотѣ сердца своего и ослѣпленіи власти своей, несознававшіе своего преступленія противу закона Христа. Но жертвы ихъ живы, и доселѣ исторгаютъ у насъ слезы состраданія и любви. Съ нѣжнаго дѣтскаго возраста художественныя созданія литературы врѣзали въ наши сердца образы этихъ страдальцевъ. Кто не проливалъ слезъ надъ Сорокой-Воровкой Герцена? Несчастнымъ Муму? Антономъ-Горемыкой? Эти слезы, пролитыя

въ эпоху, предшествовавшую освобожденію крестьянъ, полагали гранитные устои будущей реформы. Самъ Александръ Освободитель росъ и воспитывался подъ вліяніемъ гуманнѣйшаго представителя русской литературы, неизмѣнно вѣрившаго, что хотя:

„Еще лежитъ на небѣ тѣнь,
Еще далеко свѣтлый день,
Но живъ Господь, онъ знаетъ срокъ,
Онъ вышлетъ утро на востокъ."

Рисуя въ живыхъ художественныхъ образахъ страданія народной души подъ игомъ барскаго самовластія, литература въ то же время показывала, сколько непочатыхъ, богатыхъ силъ и многообѣщающихъ задатковъ въ этомъ безправномъ человѣкѣ-вещи. Сколько истинно-христіанской вѣры, любви, простоты и смиренія, незлобивости, готовности жертвовать собой даже ради тѣхъ, кто не признавалъ за нимъ правъ человѣка! Какой неистощимый родникъ поэзіи, неподдѣльнаго чувства, живого ума, возвышенной религіозной философіи! Вспомните: Орину Родіоновну, дядьку Савельича, Лукерью въ «Живыхъ Мощахъ», Калиныча, Пѣвцовъ, типы русскихъ солдатъ въ Кавказскихъ и Севастопольскихъ очеркахъ и «Войнѣ и Мирѣ» Толстого....

Лишь только соприкасался безпочвенный скиталецъ русскій, баринъ-писатель, съ родной почвой—душой простого народа русскаго,—какія безсмертныя созданія національнаго творческаго искусства извлекались изъ этого источника! Гдѣ Пушкинъ искалъ—«великій, могучій, правдивый и свободный» русскій языкъ? Гдѣ впервые нашелъ онъ истинное лицо свое—лицо подлиннаго національнаго русскаго поэта? Гдѣ найдены первообразы Платона Каратаева, юродиваго Гриши, няни Наталіи Савишны Л. Толстымъ? Кто далъ Достоевскому старца Зосиму? Не онѣ-ли, няни Орины Родіоновны и Наталіи Савишны, пѣстовали дѣтство нашихъ родныхъ геніевъ? Не онѣ-ли пѣли имъ первыя русскія пѣсни, нашептывали первыя сказки, народныя преданія и сказанія о подвижникахъ и святителяхъ народныхъ? А вмѣстѣ съ тѣмъ, не отъ нихъ-ли, и не по нимъ-ли самимъ учились ихъ юные питомцы знать русскій народъ, сокровища его сердца, его святая святыхъ? Онѣ, онѣ—эти дочери простого русскаго крестьянина, пріобщали барскихъ дѣтей, воспитываемыхъ иностранными гувернерами и гувернантками, духу народному! Онѣ научили ихъ знать и любить народъ и Россію, которую

„Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ, Царь Небесный
Исходилъ, благословляя."

И этимъ геніальнымъ питомцамъ простыхъ русскихъ нянь оставалось только донести сокровища русской народной души до образованнаго русскаго общества; научить и общество любить ее, какъ полюбили ее они сами; передать свое пониманіе и уваженіе къ народу русскому, а вмѣстѣ съ тѣмъ полюбить и «край родной долготерпѣнья!»

Въ своихъ художественныхъ созданіяхъ они показывали русскому обществу, какъ стонетъ душа народная подъ игомъ крѣпостного права; какъ оно уродуетъ ее; какіе шипы и терніи оно ставитъ ей въ ея смутномъ, но постоянномъ стремленіи къ христіанскому идеалу; какъ оно оскор-

бляетъ и попираетъ самыя священныя чувства человѣка: чувства отца, матери, дѣтей, супружской любви и непорочной стыдливости, чувства человѣческаго достоинства и жажду познанія, и какъ искажается въ крѣпостномъ образъ и подобіе Божества.

Съ другой стороны, русская литература уясняла обществу, какъ отражается крѣпостной строй и на самой странѣ. Какъ, благословенная Самимъ Царемъ Небеснымъ, земля родная коснѣетъ въ «наготѣ смиренной», и превращается въ царство Мертвыхъ Душъ, какъ она:

„....Въ судахъ
Черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна“...

Ибо законъ Бога гласитъ, что не можетъ одна душа, образъ и подобіе Божества, быть собственностью другой. И не только душа: не можетъ быть ею и тѣло: ибо оно храмъ духа.

„Для земли кто жить не можетъ,
Тотъ и для неба не живетъ“.

Страшный это грѣхъ—грѣхъ противъ Духа Святого! И страна, допустившая этотъ историческій грѣхъ, отмолить его, отстрадать за него должна! И она заплатила за него: первозданный законъ, гласящій: «Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ,» роковымъ образомъ сдѣлалъ ее надолго страной Мертвыхъ Душъ...

Но мимо, мимо ужасы этого мертваго царства: не мѣсто памяти о нихъ въ радостный день! Въ христіанскомъ сердцѣ великодушнаго и всепрощающаго народа нашего нѣтъ мѣста низкимъ чувствамъ злобы и мести. Въ радостный день освобожденія у него:

„На душѣ свѣтло и ясно
И не помнится о злѣ,
Объ истекшихъ дняхъ страданія,
О потратѣ многихъ силъ
Въ скорбныхъ мукахъ ожиданья,
Въ безвременности могилъ.
Пусть почіютъ мирно гробы
Тщетно ждавшихъ столько лѣтъ!
Память имъ! Но въ сердцѣ злобы,
Ни вражды, ни мести нѣтъ.
Все проститъ онъ безъ расчета,
Устоявшій въ дни тревогъ,—
Онъ, чей духъ годину гнета
Пережилъ и перемогъ“...

Крѣпостное право калѣчило и другую душу христіанскую,—душу господина-владѣльца. Вѣдь, это оно создало этихъ чудовищъ и уродовъ «Мертвыхъ Душъ», которыхъ намъ показала литература!

Но, какъ подлинная выразительница русскаго народнаго духа, она не остановилась на этомъ сплошномъ царствѣ уродства и прорѣхъ на человѣчествѣ: она показала намъ другія благородныя сердца также дѣтей русскаго барства, пораженныя роковымъ недугомъ рабовладѣнія, нарисо-

вала намъ и ихъ страданія и безысходную скорбь:—Онѣгиныхъ, Чацкихъ, Печориныхъ, Бельтовыхъ, Рудиныхъ, Обломовыхъ, Лаврецкихъ.... русскихъ скитальцевъ, лишнихъ людей. Она заставила насъ пережить муки ихъ чувствительной души и отравленнаго сознанія, тоску безполезно вянущихъ силъ и безполезной жизни. Она донесетъ до насъ ихъ жалобный стонъ о томъ, что «суждены имъ благіе порывы, а свершить ничего не дано»,—имъ, вращающимся въ леденящей пустотѣ ихъ оторванности отъ всего родного, отдѣленнымъ отъ пониманія народа глухой стѣной крѣпостного права и бездной вѣкового недовѣрія народнаго; имъ, по выраженію Достоевскаго, «стрюцкимъ» среди своего народа и среди людей западной Европы:

„Посреди чужихъ ненужнымъ,
Посреди своихъ забытымъ"...

Вѣдь, только творческая созидательная дѣятельность, въ единеніи съ людьми, способна дать счастіе; а они—лишніе, не нужные, не участвующіе ни въ какомъ трудѣ и работѣ своего народа; они лишь по свѣту рыщутъ, да дѣла себѣ исполинскаго ищутъ; лишь одинъ умъ кипитъ у нихъ въ дѣйствіи пустомъ, а сердце холодно и пусто: оно оторвано отъ родного сердца народнаго....

И вотъ эти русскіе скитальцы, утратившіе вѣру отцовъ, вѣру въ себя, въ свой народъ и страну, мечутся по свѣту, бросаются на всѣ новшества Запада, увлекаются всѣми крайностями, перебрасываются отъ одной къ другой... Приходятъ къ выводу, что «жизнь—даръ напрасный, даръ случайный», или «пустая и глупая шутка» и тратятъ ее на эпикурейское самоуслажденіе, или погрязаютъ въ пошлости и мелкихъ страстяхъ; или приходятъ къ Нирванѣ и самоуничтоженію; ихъ жизнь становится то наслѣдственной Карамазовщиной, то сплошной жаждой разрушенія, уничтоженія стараго, во что бы то ни стало,—жизнью героевъ «Бѣсовъ» Достоевскаго...

Многіе изъ этихъ скитальцевъ. доживши до 19-го 1861 г. февраля, съ радостью, съ упоеніемъ восторга, пошли на встрѣчу уничтоженію зла, примкнули къ тѣмъ, которые какимъ-то чудомъ не отошли отъ единенія съ землей и религіозно вѣрили въ свой народъ и его особенное предназначеніе.

А народъ, созидавшій Россію, вынесшій на своихъ плечахъ всѣ историческія невзгоды, въ моментъ освобожденія трудился, какъ всегда. Онъ былъ спокоенъ, бодръ и радостенъ; чувствовалъ, что ему, могучему, предстоитъ новый просторъ для новой, вѣковой, творческой работы:

„Слышишь:—новому онъ лѣту
Пѣсни радости поетъ:
Благо всѣмъ, ведущимъ къ свѣту,
Братьямъ, съ братьевъ снявшимъ гнетъ,
Людямъ миръ, благословенье;
Долгихъ мукъ исчезнетъ слѣдъ,
Дню вчерашнему забвенье,
Дню грядущему привѣтъ!„

И мы, поминая нынѣ великій историческій день, мы не будемъ тревожить старыхъ историческихъ язвъ: онѣ больны для обѣихъ сторонъ! Пожалѣемъ о несчастьяхъ и страданіяхъ обѣихъ, о тяжкихъ испытаніяхъ наложенныхъ на насъ волею исторической судьбы и такъ сурово и долго

тормозившихъ развитіе Россіи. Соединимся съ народомъ въ свѣтлой радости при поминкахъ дня, когда пала преграда, разъединявшая образованное сословіе и народъ, брата отъ брата, возблагодаримъ судьбу, что для насъ нѣтъ уже этого источника зла; вспомнимъ, что страдала и другая сторона, и страданіями сердца и ума искупала историческій грѣхъ; что теперь, когда пала непреодолимая преграда, вѣковымъ недовѣріемъ раздѣлявшая на два лагеря русскихъ людей, мы уже всѣ можемъ, вмѣстѣ съ народомъ, въ лонѣ его, въ исконномъ духѣ его, трудиться для нашей общей дорогой Россіи, въ чаяніи того грядущаго великаго дня, когда подлинное, не по бумажнымъ только установленіямъ закона, а воистинну, не будетъ уже «рабъ или свободь», а воцарится на самомъ дѣлѣ жизнь любовь и правда Христова, когда:

"Раздастся громкій и святой
Глаголъ самихъ небесъ,—
Не только словомъ на устахъ,
Но глубоко въ людскихъ сердцахъ,—
Воскресъ Христосъ, воскресъ!"

Теперь же—всѣмъ, потрудившимся надъ уничтоженіемъ первой злой преграды къ единенію русскихъ людей: и Царю Александру II-му, и его сподвижникамъ, и дѣятелямъ русской литературы, и скромнымъ работникамъ эпохи освобожденія въ самыхъ глухихъ уголкахъ нашего отечества, —всѣмъ имъ, единодушно и благодарно, провозгласимъ—вѣчную Славу!

К. Евграфовъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ:

I. Изъ картинъ крѣпостной жизни.

Дворовый.

—Чего вы тутъ расхвастались
Своимъ мужицкимъ счастіемъ?—
Кричитъ разбитый на ноги
Дворовый человѣкъ.—
А вы меня попотчуйте:
Я счастливъ, видитъ Богъ!
У перваго боярина
У князя Переметьева
Я былъ любимый рабъ.
Жена—раба любимая,
А дочка вмѣстѣ съ барышней
Училась и французскому
И всякимъ языкамъ:
Садиться позволялось ей
Въ присутствіи княжны!..
Ой! Какъ кольнуло!.. батюшки!..
(И началъ ногу правую
Ладонями тереть).
Крестьяне разсмѣялися.
—Чего смѣетесь, глупые?—
Озлившись неожиданно,
Дворовый закричалъ.—
Я боленъ; а сказать ли вамъ,
О чемъ молюсь я Господу,
Вставая и ложась?
Молюсь: «Оставь мнѣ, Господи,
Болѣзнь мою почетную—
По ней я дворянинъ!»
Не вашей подлой хворостью,
Не хрипотой, не грыжею—

Болѣзнью благородною,
Какая только водится
У первыхъ лицъ въ имперіи,
Я боленъ, мужичье!
По-да-грой именуется!
Чтобъ получить ее—
Шампанское, бургонское,
Токайское, венгерское
Лѣтъ тридцать надо пить...
За стуломъ у свѣтлѣйшаго
У князя Переметьева
Я сорокъ лѣтъ стоялъ,
Съ французскимъ лучшимъ трюфелемъ
Тарелки я лизалъ,
Напитки иностранные
Изъ рюмокъ допивалъ....
Ну, наливай!
—Проваливай!
У насъ вино мужицкое,
Простое, не заморское—
Не по твоимъ губамъ!

(Н. Некрасовъ: «Кому на Руси жить хорошо»).

Талантъ-проклятье.

Одинъ русскій баринъ, разсказываетъ Де-Пассенансъ, имѣвшій у себя громадный оркестръ изъ крѣпостныхъ, послалъ самаго талантливаго изъ своихъ музыкантовъ въ Италію учиться. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ уже удивлялъ итальянцевъ своимъ громаднымъ дарованіемъ. «Бояринъ», гордый репутаціей своего виртуоза, приказалъ ему вернуться въ Россію. Артистъ сейчасъ же поспѣшилъ исполнить волю своего господина. Въ одинъ изъ первыхъ дней его пріѣзда его заставили играть при огромномъ обществѣ и для каждаго вновь прибывшаго онъ долженъ былъ повторить блестящій концертъ Віоти. Послѣ трехчасовой игры онъ очень усталъ и просилъ своего барина позволенія отдохнуть. «Нѣтъ, играй,—отвѣтилъ тотъ,—а если будешь капризничать, то вспомни, что ты мой рабъ; вспомни о палкахъ»... Молодой человѣкъ въ отчаяніи выбѣжалъ изъ залы, спустился въ кухню, схватилъ топоръ и отрубилъ себѣ палецъ на лѣвой рукѣ, воскликнувъ: «Будь проклятъ талантъ, если онъ не могъ избавить меня отъ рабства»...

Лѣткова. («Крѣпостная интеллигенція»).

Яшка-гусятникъ. *)

Дѣдушка Яковъ никогда не былъ такъ задумчивъ, какъ сегодня—въ день народной радости. Бывало такъ охотно онъ шамкалъ отвѣтами на всѣ задаваемые вопросы своихъ внучатъ Васятки и Груни, которые, какъ надоѣдливыя сороки безумолку щебетали, обвивая своими пухлыми ручен-

*) Настоящій разсказъ принадлежитъ перу одного изъ сотрудниковъ „Гор. Вѣстн." и предназначался для помѣщенія въ проектируемомъ особомъ юбилейномъ № нашего журнала для раздачи школьникамъ, не вышедшимъ по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ. *Ред.*

ками худую морщинистую шею дѣдушки А сегодня дѣдушка совсѣмъ не похожъ на себя. Не то чтобы онъ былъ сердитъ, или боленъ .. Нѣтъ, но онъ глубоко погруженъ въ давно прошлое, въ то тяжелое прошлое, о которомъ при одномъ воспоминаніи у барщиннаго крестьянина содрагалось сердце и тѣ тяжелыя картины, нынѣ кажущіяся сказочными, воскресали въ памяти и наводили на грустныя думы.

А дѣти. не зная душевныхъ переживаній дѣдушки, весело щебеча и теребя то за руку, то за рукавъ рубашки, просили его разсказать сказку.

— Дѣдушка, миленькій, что ты сегодня не веселый? Разскажи намъ сказочку.—особенно усердно теребилъ внукъ Васятка, начавшій ходить уже въ школу.

— Дѣдушка!—дернула и Груня за рукавъ старика.

— Ась, ась, что вы?—очнулся отъ глубокихъ думъ дѣдъ.

— Сказицьку ласкажи,—картаво пролѣпетала Груня.

— Какую вамъ?

— Холошенькую сказицьку,—глядя прямо въ глаза старика, просила бойкая Груня.

— Ахъ, вы карапузики молочные, все-то имъ сказочки,—прошамкалъ дѣдъ ласково, поглаживая костлявой рукой бѣлокурыя головки внучатъ,—не лучше ли вамъ дѣточки разсказать про то, что раньше было?

— Разскажи, ласкажи—въ одинъ голосъ согласилися дѣти.

И старикъ, кашлянувъ въ кулакъ, началъ быль:

— Ну, слушайте. Это было давно; семь десятковъ лѣтъ скоро будетъ. Былъ—я тогда крѣпостнымъ. Времени прошло, дѣточки, много, а все помню, какъ вотъ на ладони.

— А это что крѣпостной то?—спросилъ Васютка.

— Это было подневольное житье мужиковъ; всѣ крестьяне, которые были барскими, подчинялись барину и онъ былъ ихъ хозяиномъ; онъ распоряжался своими крестьянами такъ, какъ теперь каждый мужикъ своей лошадью. Работали крестьяне на своихъ господъ день и ночь, не сытъ, не голоденъ.—И дѣдъ замолчалъ.

— А зачѣмъ на него работали, чай, онъ не отецъ?—наивно спросилъ Васятка.

— Тогда законъ былъ такой,—беззлобно отвѣтилъ дѣдъ и вздохнулъ,—что велятъ, то и дѣлай, а не послушался—въ солдаты, какъ Яшкинова отца,..

— Какого Яшки?

— А былъ одинъ такой несчастный мальчукъ Яшка-гусятникъ, такой же вотъ, какъ ты, Васюкъ, маленькій, но не было у него ни отца, ни матери—круглымъ сиротинушкой росъ..

— Гдѣ у него отецъ-то съ матерью? дѣловито спросилъ Васятка, сильно заинтересовавшись Яшкой-гусятникомъ.

— Мать его была избита бурмистомъ *) на работѣ и умерла, а отецъ за жалобу на бурмиста былъ отданъ въ солдаты уже старый. Яшка съ двумя сестренками остался одинъ-одинокъ...

— А гдѣ онъ жилъ?

---

*) Бурмистръ, бурмистъ - экономическій староста въ крѣпостное время или наблюдатель при работахъ. *Авт.*

— Его и сестренокъ взяли на барскій птичій дворъ, а все имѣніе ихъ перевезли къ бурмисту. Сестренки съ голода и холода умерли на птичьемъ дворѣ—тогда былъ моръ на голодныхъ дѣтей,—а Яшка перенесъ и къ веснѣ былъ назначенъ гусинымъ пастухомъ у барина. И какъ сейчасъ, дѣточки, помню, какъ трудно жилось этому Яшкѣ-гусятнику: была ранняя весна, какъ разъ на первый день Пасхи Христовой; во всѣхъ церквахъ звонятъ колокола, на деревняхъ ребятишки катаютъ въ лунку крашеныя яйца—всѣ цѣлуются—христосуются. Рѣчки и овраги переполненныя до краевъ, весело журча, бѣгутъ. По отталинамъ и берегамъ кругомъ зеленыя травки и цвѣты. Въ лѣсахъ и садахъ поютъ птички—все земное радуется и веселится. Только одного Яшку-гусятника суровая мачеха судьба обошла: никто ему краснаго яичка не далъ, не поцѣловалъ за весь праздникъ...—Голосъ дѣдушки оборвался. При послѣднихъ словахъ дѣти вздохнули, и на вздохъ ихъ у старика навернулися слезы.

— Я бы, дѣдушка, ему послѣднее яичко отдала,—сказала Груня.

— И я бы отдалъ,—повторилъ Васятка.

— Вы и такъ, ангельскія души,... даете—поцѣловавъ въ головы внучатъ, сказалъ дѣдъ.

— А вотъ, Яшка, въ такой великій день Пасхи, никѣмъ не обласканный и больной, съ коркой чернаго хлѣба въ карманѣ лежалъ подъ сырымъ берегомъ у пруда, и, вмѣсто материнскаго теплаго сердца, грѣлся на солнышкѣ, съ хворостиной въ рукахъ—наблюдая за безпечно плавающими гусями въ пруду. И такъ былъ онъ въ немилости у бурмиста Андрея и тогда, когда ужъ выросъ большимъ и былъ посаженъ на тягло. И бурмистъ его не называлъ, какъ только «змѣенокъ». Но Яшка не обижался, а только молился Богу, что бы Онъ смягчилъ суровое сердце того, который отнялъ у него: мать, отца, и двухъ сестренокъ, и все дѣтское счастье. Вотъ, каково намъ жилось въ крѣпостное право, не то что вамъ, дѣтки, теперь.—

— А какъ же Яшка-то жилъ дальше?,—спросили дѣти.

— А дальше вплоть до воли несъ барское тягло; сталъ трудиться, нажилъ избенку, лошадку, коровенку, и сталъ исправскимъ крестьяниномъ, а потомъ и объявилась «народная воля». Нынѣшній день, дѣточки, исполнилось ровно полста лѣтъ, какъ Батюшка Царь Александръ Николаевичъ по всѣмъ церквамъ объявилъ волю народу. Помните, Васятка и Груня, что день девятнадцатаго Февраля надо также почитать, какъ и день Святой Пасхи.—

Но дѣти, плохо понимавшія смыслъ сказаннаго дѣдушкой, слушали молча. Ихъ интересовала больше всего дальнѣйшая судьба гусятника—Яшки.

— Дѣдушка, а гдѣ теперь Яшка? Онъ, бѣдненькій, живъ, или нѣтъ?—первый спросилъ Васятка—мнѣ его жалко...

— Онъ здѣсь, живъ...—отвѣтилъ старикъ.

— А онъ большой теперь?—въ свою очередь картавила Груня.

— Большой, старый, сѣдой...—каждое слово протягивалъ дѣдушка Яковъ.

— А онъ гдѣ живетъ?

— А это я, дѣточки, Яшка—гусятникъ-отъ. Это я несчастный-то... Я... это...—и старикъ, не удержавши слезъ, всхлипнулъ, какъ ребенокъ,

не столь отъ пережитого горя въ прошломъ, сколько отъ радости за мягкосердечіе внучатъ и ихъ настоящую жизнь, согрѣтую тепломъ родного материнскаго сердца...

Крестьянинъ В. Бажановъ.

II. Новая жизнь послѣ 19 февр. 1861 г.

Гимнъ.

Господь! Твори добро народу!
Благослови народный трудъ,
Упрочь народную свободу!
Упрочь народу правый судъ!
Чтобы благія начинанья
Могли свободно возрасти.

Разлей въ народѣ жажду знанья
И къ знанью укажи пути!
И отъ ярма порабощенья
Твоихъ избранниковъ спаси,
Которымъ знамя просвѣщенья,
Господь, ты ввѣришь на Руси!...

(Н. Некрасовъ).

Свобода.

Родина мать! по равнинамъ твоимъ
Я не ѣзжалъ еще съ чувствомъ такимъ!

Вижу дитя на рукахъ у родимой,
Сердце волнуется думой любимой:

Въ добрую пору дитя родилось,
Милостивъ Богъ, не узнаешь ты слезъ!

Съ дѣтства никѣмъ не запуганъ, свободенъ,
Выберешь дѣло, къ которому годенъ;

Хочешь—останешься вѣкъ мужикомъ,
Сможешь—подъ небо взовьешься орломъ!

Въ этихъ фантазіяхъ много ошибокъ:
Умъ человѣческій тонокъ и гибокъ;

Знаю: на мѣсто сѣтей крѣпостныхъ
Люди придумали много иныхъ.

Такъ!.. но распутать ихъ легче народу.
Муза! Съ надеждой привѣтствуй свободу!

(Н. Некрасовъ).

Объявленіе воли 5 марта въ Петербургѣ.

Наступилъ, наконецъ, и великій день, когда народъ долженъ былъ узнать объ отмѣнѣ его многовѣковой неволи. Было то 5 марта 1861 года, которое пришлось какъ разъ наканунѣ Великаго поста «Прощеное воскресенье».

Вмѣстѣ съ товарищемъ мы вышли на улицу посмотрѣть, какъ поведетъ себя «Освобожденный народъ». Погода стояла ясная и мягкая; чувствовалось первое дуновеніе весны. На углахъ тамъ и сямъ толпились кучки любопытныхъ съ поднятыми кверху лицами: на стѣнахъ домовъ былъ расклеенъ манифестъ, и одинъ изъ толпы читалъ его вслухъ другимъ... «Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ.. .» и проч. Всѣ слушали его съ большимъ вниманіемъ и съ видимымъ благоговѣніемъ,

— Читаютъ его теперь, вѣдь, съ амвона и во всѣхъ церквахъ,—сказалъ мнѣ товарищъ.—Не пойти ли намъ въ Исакіевскій соборъ. А оттуда отправимся на Царицынъ лугъ, гдѣ масленичное гулянье.

Мы отправились къ Исакію, но къ чтенію самаго манифеста, къ сожалѣнію, опоздали. ..

На Царицыномъ лугу мы застали гулянье въ полномъ уже разгарѣ. Вся огромная площадь Марсова поля кишѣла празднично разряженнымъ людомъ, сквозь который едва-едва можно было пробраться. Но замѣчательная вещь: цьяныхъ на этотъ разъ совсѣмъ что-то не было, точно народъ не желалъ запятнять никакими безобразіями лучезарный разсвѣтъ своей жизни, точно хотѣлъ показать, что онъ достоинъ дарованной ему воли. Зато какимъ искреннимъ довольствомъ, какою беззавѣтною радостью свѣтились кругомъ всѣ лица.

Тутъ откуда-то издали донеслось «ура» и, уже не умолкая, перекатывалось все ближе да ближе.

— Царь-батюшка ѣдетъ!—Освободитель нашъ!

Вся необозримая масса народа ринулась ему навстрѣчу. Насъ съ товарищемъ подхватило, понесло неудержимо этой одушевленною волною одинаково настроенныхъ людей. Ногами почти не касаясь земли, мы очутились близъ той дороги, гдѣ долженъ былъ проѣхать царскій экипажъ. И вотъ, поверхъ моря обнаженныхъ головъ, показался въ открытой коляскѣ самъ виновникъ всеобщаго восторга, возвращавшійся, какъ потомъ оказалось, съ развода. Въ отвѣтъ на оглушительное ликованіе освобожденныхъ имъ подданныхъ государь непрерывно наклонялъ голову направо и налѣво, и благородныя черты его сіяли безпредѣльнымъ счастьемъ.

— Ура-а-а-а!

На воздухъ вокругъ насъ летѣли картузы и шапки, полетѣла вверхъ и шапка товарища и моя фуражка.

Государь проѣхалъ далѣе; вмѣстѣ съ нимъ постепенно удалялись и сопровождавшіе его клики; но тысячеголовое Марсово поле все еще не могло успокоиться отъ радостнаго возбужденія; всѣ говорили въ одно время, чтобы подѣлиться впечатлѣніями....

А. Авенаріусъ.

МѢСТНАЯ ХРОНИКА.

Объ измѣненіи программы чествованія Пензенскимъ Городскимъ Управленіемъ юбилейнаго дня 19 февраля.

Намѣченная Пензенскимъ Городскимъ Управленіемъ широкая программа чествованія 50-ти лѣтія освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости не можетъ быть осуществлена въ полной мѣрѣ по независящимъ отъ Городского Управленія обстоятельствамъ.

Такимъ образомъ *не состоится:*

1) безплатная раздача учащимся начальныхъ школъ и народу юбилейныхъ номеровъ настоящаго „Вѣстника“ въ количествѣ 5000 экземпляровъ;

2) чтеніе для народа, предполагавшееся по постановленію Думы въ одномъ изъ большихъ помѣщеній города;

3) торжественный актъ, предполагавшійся вечеромъ 19 февраля въ залѣ Дворянскаго Собранія, гдѣ послѣ вступительной рѣчи Городского Головы должны были быть прочитаны рефераты Н. Ф. Езерскаго, К. Р. Евграфова и др. и возложеніе вѣнковъ на бюстъ Императора Александра II отъ Городского Управленія, культурно-просвѣтительныхъ, сословныхъ и профессіональныхъ О-въ г. Пензы, земскими учрежденіями и учащимися во главѣ съ учащими учебныхъ заведеній съ произнесеніемъ соотвѣтствующихъ торжеству рѣчей и исполненіемъ кантаты хоромъ А. В. Касторскаго и оркестромъ музыки артиллерійской бригады.

Сокращено:

1) программа освѣщенія мѣста Народнаго Дома имени Императора Александра II, куда предполагалось пригласить къ присутствованію высшую городскую администрацію, депутаціи отъ городскихъ культурно-просвѣтительныхъ, сословныхъ учрежденій, профессіональныхъ о-въ города, губернскаго и уѣзднаго земствъ, равно какъ и учащихся городскихъ школъ во главѣ съ учебнымъ начальствомъ.

Такимъ образомъ, изъ постановленій Думы, вѣроятно, будетъ только выполнено слѣдующее:

1) послѣ богослуженія въ соборѣ состоится экстренное засѣданіе ея для окончательнаго принятія строительнаго проэкта на постройку Народнаго Дома имени Императора Александра II и для избранія знаменитаго ветерана, дѣятеля реформы, оставшагося въ живыхъ графа Д. А. Милютина почетнымъ гражданиномъ города Пензы; разрѣшеніе вопроса объ учрежденіи стипендіи въ память юбилейнаго дня 19 февраля 1861 г. въ реальномъ училищѣ и учительской семинаріи;

2) освященіе мѣста отведеннаго подъ постройку народнаго дома, но безъ депутацій, особыхъ рѣчей, музыки и раздачи №№ настоящаго „Вѣстника“.

Останутся въ силѣ постановленія Думы:

1) о присвоеніи одному изъ открываемыхъ въ 1911 г. городскихъ начальныхъ училищъ наименованія учрежденнаго въ память 50-лѣтія со дня освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Такое же наименованіе присвоено и проэктируемой профессіонально-ремесленной женской школѣ.

2) Во всѣхъ городскихъ начальныхъ школахъ о вывѣшеніи портрета Императора Александра II.

3) о сложеніи съ бѣднѣйшихъ жителей города недоимки прежнихъ лѣтъ въ общей суммѣ 10 тысячъ рублей, съ предоставленіемъ Управѣ распредѣленія означенной льготы между недоимщиками.

О домѣ имени В. Г. Бѣлинскаго въ г. Пензѣ.

12 октября 1910 года Пензенская Городская Дума постановила: 1) ассигновать Обществу имени М. Ю. Лермонтова въ г. Пензѣ изъ городскихъ средствъ 40 тысячъ рублей на сооруженіе дома имени В. Г. Бѣлинскаго, съ тѣмъ, чтобы ассигнованіе это вписалось въ городскія смѣты въ теченіе 10 лѣтъ, начиная съ 1911 года въ суммѣ 4000 руб. ежегодно; 2) предоставить Обществу имени М. Ю. Лермонтова въ безплатное пользованіе для постройки дома участокъ городской земли около Губернскаго Правленія, размѣромъ 472 кв. саж.; 3) ходатайствовать передъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія о выдачѣ Лермонтовскому Обществу на постройку дома имени В. Г. Бѣлинскаго безвозвратной или возвратной ссуды въ суммѣ 80 тыс. рублей, и 4) просить Правленіе Лермонтовскаго Общества избрать изъ своей среды 5 членовъ для совмѣстнаго съ членами отъ Думы разработки проекта предполагаемаго къ постройкѣ зданія, каковой долженъ быть представленъ на утвержденіе Думы.

Въ составъ смѣшанной комиссіи со стороны Думы вошли: Н. Н. Мещеряковъ, Ф. И. Титовъ, А. Ф. Габенецъ, А. М. Архиповъ и В. Е. Антоновъ, со стороны Правленія Лермонтовскаго Общества: Д. В. Вярьвильскій, М. П. Соловьевъ, В. Л. Балдинъ, П. К. Гудзь и В. П. Просвирнинъ.

Въ первомъ засѣданіи были разсмотрѣны разработанныя Правленіемъ Лермонтовскаго Общества заданія для разработки проекта дома имени В. Г. Бѣлинскаго въ Пензѣ. Заданія эти съ небольшими измѣненіями комиссія приняла въ слѣдующей окончательной редакціи.

Продолжительное обсужденіе вызвалъ вопросъ, какимъ образомъ долженъ быть разработанъ проектъ дома, путемъ-ли конкурса или путемъ заказа тому или иному архитектору.

Послѣ тщательнаго обслѣдованія комиссія единогласно пришла къ рѣшенію, что лучше поручить составить проектъ дома архитектору, уже разработавшему предварительный проектъ дома къ усадьбѣ по Нагорному переулку, запросивши предварительно его объ условіяхъ, на которыхъ онъ взялся бы переработать проектъ примѣнительно къ новымъ условіямъ мѣстности и нѣкоторыми новыми заданіями. Гражданскій Инженеръ преподаватель архитектуры Александръ Алексѣевичъ Баграковъ и братья его Инженеръ путей сообщенія Анатолій Алексѣевичъ и студентъ спеціальнаго отдѣленія Института Гражданскихъ Инженеровъ Рафаилъ и Серафимъ Алексѣевичи Баграковы предложили разработать проектъ на слѣдующихъ условіяхъ.

1) Къ 1-му октября 1911 года они должны предоставить Лермонтовскому Обществу проектъ дома имени В. Г. Бѣлинскаго, состоящій изъ плановъ всѣхъ этажей въ масштабѣ $^1/_2$ дюйма за 1 сажень, фасады и разрѣзы въ масштабѣ за 1 сажень и пояснительную записку съ опредѣленіемъ кубатурной стоимости зданія.

2) До представленія окончательнаго проекта обязаны представлять на усмотрѣніе комиссіи эскизы плановъ и исправить ихъ, сообразуясь съ указаніями комиссіи.

3) Вознагражденіе по исполненіи проекта 600 рублей.

Эти условія комиссія признала вполнѣ пріемлемыми и единогласно рѣшила поручить братьямъ Баграковымъ разработку проекта дома имени В. Г. Бѣлинскаго въ г. Пензѣ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1911 года проектъ дома будетъ представленъ на утвержденіе Городской Думы.

Условія конкурса на постройку дома имени В. Г. Бѣлинскаго въ городѣ Пензѣ.

1. Мѣсто для постройки дома имени В. Г. Бѣлинскаго отводится на углу Садовой и Театральной ул., рядомъ съ Казенной Палатой. Величина мѣста по фасад-

ной линіи зданія Казенной Палаты 22,54 саж., по Садовой 20,42 саж., по Театральной 23,1 саж. и по боковой линіи Казенной Палаты 21 саж. Мѣсто представляетъ большой уклонъ по направленію къ Театральной ул.

2. Въ домѣ имени В. Г. Бѣлинскаго должны быть помѣщены:

а) безплатная народная библіотека-читальня имени В. Г. Бѣлинскаго;

б) платная общественная библіотека имени М. Ю. Лермонтова;

в) аудиторія на 100 человѣкъ;

г) музей.

3. Фасады должны быть въ строгомъ стилѣ и соотвѣтствовать идеѣ домапамятника В. Г. Бѣлинскому для помѣщенія просвѣтительныхъ учрежденій.

4. За недостаткомъ средствъ домъ не можетъ быть построенъ единовременно. На первую очередь ставится постройка части зданія для библіотеки стоимостью отъ 55—66 тыс. рублей.

5. Желательно въ первую очередь построить часть зданія площадью около 140—150 кв. саж. фасадомъ по Садовой ул., чтобы воспользоваться нижнимъ полуэтажемъ для помѣщенія въ немъ квартиры завѣдующаго въ 2 комнаты, прихожей и кухней, на 3-хъ сторожей, центральнаго отопленія, уборныхъ и архивовъ. Во вторую очередь желательно построить аудиторію по фасаду, обращенному къ скверу и въ третью очередь, крыло по Театральной улицѣ. Постройка зданій первой и второй очередей высотою въ два этажа должна быть разработана подробно и въ ней должны помѣститься всѣ 4 учрежденія въ томъ размѣрѣ, которые указаны ниже; для третьяго же крыла можетъ быть представленъ фасадный эскизъ. Общая стоимость постройки первой и второй очереди около 120—130 тыс. рублей.

6. Первая часть зданія должна представлять собою нѣчто архитектурное цѣлое, но допускающее впослѣдствіи пристройку крыльевъ. Въ ней должны быть расположены въ двухъ этажахъ общій вестибюль, помѣщеніе для Лермонтовской и Бѣлинской библіотекъ и по возможности удѣлено сажень 40 кв. для музея, а въ нижнемъ полуэтажѣ служебныя помѣщенія.

7. При постройкѣ второй части зданія безплатная библіотека-читальня имени В. Г. Бѣлинскаго должна быть помѣщена подъ аудиторіей съ особымъ ходомъ, а помѣщеніе безплатной библіотеки въ 1-ой части зданія, присоединено къ музею.

8. Вестибюль общій для всѣхъ вышеуказанныхъ учрежденій. Вестибюль долженъ быть спроэктированъ съ расчетомъ, чтобы въ будущемъ при постройкѣ аудиторіи можно было приспособить его для раздѣванія 1000 человѣкъ.

I. Для библіотеки имени М. Ю. Лермонтова необходимо:

а) читальный залъ на 100 человѣкъ, съ ходомъ черезъ раздаточную комнату;

б) комната для выдачи книгъ и ожиданія до 50 человѣкъ съ помѣщеніемъ въ ней или въ сосѣдней комнатѣ столовъ съ каталогами для выбора книгъ;

в) комнаты для помѣщенія книгъ до 100,000 томовъ, расположенныя близъ комнаты для выдачи;

г) комната для разборки и записи книгъ, размѣромъ 10×10 арш.;

д) двѣ музейныя комнаты: а) имени М. Ю. Лермонтова и б) имени В. Г. Бѣлинскаго, общая площадь 12×10 арш.;

е) комнаты для архива и для переплетчика могутъ быть помѣщены и въ подвальномъ этажѣ;

ж) небольшая комната для завѣдующаго библіотекой.

II. Для безплатной народной библіотеки-читальни имени В. Г. Бѣлинскаго необходимо:

а) читальный залъ на 50 человѣкъ съ ходомъ черезъ комнату для выдачи книгъ;

б) комната для выдачи книгъ и ожиданія до 75 человѣкъ съ помѣщеніемъ въ ней столовъ съ каталогами для выбора книгъ;

в) комната для храненія книгъ отъ 20-25 тысячъ томовъ;

г) комната для разборки и записыванія книгъ размѣромъ 7×7 арш.

III. Аудиторія:

а) аудиторія на 1000 человѣкъ, съ эстрадой можетъ быть съ хорами или балкономъ;

б) фойэ при аудиторіи, читальный залъ Лермонтовской библіотеки можетъ служить дополнительнымъ фойэ;

в) комната для исполнителей;

г) комната для исполнительницъ;

д) комната для приспособленій для волшебнаго фонаря и другихъ пособій для чтенія и лекцій;

е) задняя лѣстница въ комнату исполнителей;

ж) запасный выходъ изъ аудиторій;

з) кухня для чайнаго буфета.

IV. Музей:

а) комната для лабораторіи и занятія Правленія (7×7);

б) комнаты для музея.

Общество имени М. Ю. Лермонтова въ г. Пензѣ.

О-во существуетъ 18 лѣтъ. За это время О-во организовало въ Пензѣ двѣ библіотеки: платную имени М. Ю. Лермонтова и безплатную В. Г. Бѣлинскаго. Въ первой имѣется болѣе 40 тысячъ томовъ книгъ и журналовъ а во второй болѣе 12 тыс. Многіе книги этихъ библіотекъ представляютъ изъ себя очень цѣнныя изданія, многія—библіографическую рѣдкость, и не могутъ быть замѣнены ни за какую цѣну. Между тѣмъ все это цѣнное книжное имущество—О-ва помѣщается въ частныхъ квартирахъ, совсѣмъ неприспособленныхъ для нуждъ библіотекъ и опасныя въ пожарномъ отношеніи, особенно опасно помѣщеніе Лермонтовской библіотеки, находящейся въ деревянномъ домѣ бокъ о бокъ съ частною квартирой. Поэтому еще въ 1898 году въ день чествованія памяти В. Г. Бѣлинскаго Обществомъ было положено основаніе фонда имени В. Г. Бѣлинскаго на пріобрѣтеніе дома для просвѣтительныхъ учрежденій. Въ настоящее время этотъ фондъ достигъ болѣе 13 тыс. руб.

Въ виду постановленія Пензенской Городской Думы вносить ежегодно въ теченіи 10 лѣтъ на домъ имени В. Г. Бѣлинскаго по 4 тысячи рублей, черезъ десять лѣтъ образуется необходимый капиталъ для постройки первой части зданія стоимостью въ 60—65 тыс. рублей. Но постройку дома необходимо начать съ нынѣшняго же года. Въ настоящемъ году исполнится 100 лѣтъ со дня рожденія В. Г. Бѣлинскаго и постройка дома его имени для просвѣтительныхъ учрежденій была бы лучшей формой выраженія почтенія памяти нашего великаго критика. Необходимо начать постройку въ текущемъ году и въ виду наступающаго квартирнаго кризиса для библіотекъ и въ виду необходимости какъ можно скорѣе обезпечить книжное богатство отъ возможнаго пожара.

Сдѣлать это удастся Обществу только при другой поддержкѣ со стороны частной и общественной благотворительности. Осуществленіе постройки возможно при пожертвованіи 8—10 тыс. руб. Каждое самое небольшое пожертвованіе будетъ приближать къ намѣченной цѣли, поможетъ упрочить положеніе существующихъ уже библіо-

текъ, а въ будущемъ съ постройкою второй половины зданія для музея и аудиторіи, поможетъ создать народный домъ внѣшкольнаго образованія.

Лицъ, сочувствующихъ этому благому начинанію, просимъ пожертвованія направлять въ Правленіе Общества имени М. Ю. Лермонтова въ г. Пензѣ.

Педагогическій Совѣтъ Пензенскаго реальнаго училища по случаю 50-лѣтія со дня освобожденія крестьянъ постановилъ учредить при училищѣ стипендію «въ память 19 февраля 1861 года» для взноса платы за право ученія бѣднѣйшаго ученика изъ крестьянскаго сословія. Если имѣть въ виду, что изъ учащихся въ училищѣ 30% составляютъ дѣти крестьянъ, 37%—мѣщанъ и цеховыхъ, въ большинствѣ вышедшихъ изъ того же сословія, и притомъ принадлежащихъ къ мало или даже совсѣмъ необезпеченнымъ семьямъ, то нельзя не сказать, что учрежденіе этой стипендіи какъ нельзя болѣе будетъ соотвѣтствовать празднуемому дню. Этимъ можно объяснить и то сочувствіе, которое она себѣ встрѣтила: педагогической корпораціей, не выходя изъ залы совѣта, было подписано 232 руб., включая сюда и пожертвованія предсѣдателя родительскаго комитета М. В. Терентьева (50 руб.) и его замѣстителя А. А. Перелешина (10 руб.); почетный попечитель губерскій предводитель дворянства Д. К. Гевличъ, всегда неизмѣнно добро относящійся къ училищу, пожертвовалъ 50 р.; пошли навстрѣчу этому начинанію узнавшіе о томъ члены городской думы, во главѣ съ г.г. городскимъ головой В. И. Потуловымъ и его замѣстителемъ Д. В. Вярьвильскимъ, пожертвовавшіе въ общей сложности 116 руб. Такое начало даетъ надежду на полное осуществленіе начинанія при доброй помощи сочувствующихъ лицъ.

Пожертвованія на домъ имени В. Г. Бѣлинскаго въ г. Пензѣ.

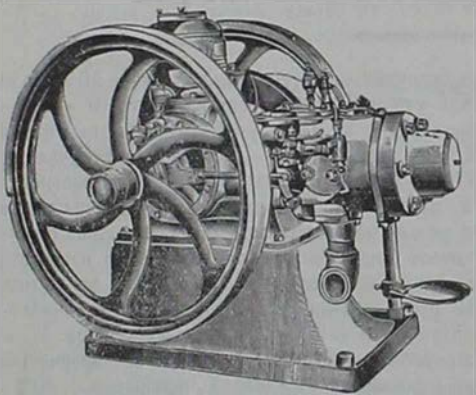
Лермонтовское общество получило пожертвованія отъ А. А. Самарина 1000 руб. и черезъ Н. Ѳ. Дормидонтова 571 руб. 75 коп. Съ имѣющимися на 1-е октября 1910 года 11644 руб. 39 коп. въ настоящее время на постройку дома О-во имѣетъ 13216 руб. 14 коп., и въ 1911 году должно получить отъ города 4000 руб.

Отвѣтственный редакторъ,
Членъ Пензенской Городской Управы
Д. В. Вярьвильскій.

Завѣдывающій редакціей
Секретарь Думы П. Соколовъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

СКЛАДЪ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКИХЪ МАШИНЪ И ОРУДІЙ



Л. М. ЗДАНЕВИЧЪ

Пенза, Московская ул. Тел. № 85.
Отдѣленія: Булычево, Моск.-Каз. ж. д. и въ Кузнецкѣ, Сарат. губ.

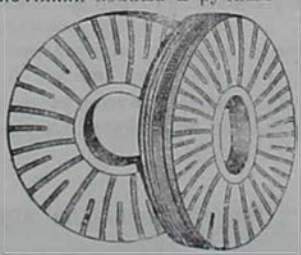
Плуги одно и многолемешные заграничныхъ фабрикъ.

БОРОНЫ: „Зигзагъ", двухъ и трехъ подосныя, луговыя, пружинныя и дисковыя.

СѢЯЛКИ: рядовыя, разбросныя и комбинированныя.

ВѢЯЛКИ И СОРТИРОВКИ разныхъ заводовъ.

МОЛОТИЛКИ: конныя и ручныя



ПОЛНЫЯ ПАРОВЫЯ МОЛОТИЛЬНЫЯ ГАРНИТУРЫ разн. заводовъ. **ПАРОВЫЯ МАШИНЫ. НЕФТЯНЫЕ ДВИГАТЕЛИ. МЕЛЬНИЧНЫЕ ПОСТАВЫ И ТРАНСМИССІИ. ПРИВОДНЫЕ РЕМНИ:** кожаные верблюжей шерсти, резиновые, Дико-Балата и пеньковые. **СИТА:** желѣзныя, мѣдныя и шелковыя. **ЖЕРНОВА:** искусственные, наждачные и горовые. **СОЛОМОРѢЗКИ. КОРНЕРѢЗКИ. СЕПАРАТОРЫ. МОЛОЧНАЯ ПОСУДА и другія принадлежности хозяйства. ЛИНОЛЕУМЪ.**

Каталоги и смѣты безплатно. 24—4.

2-хъ НЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„Городское Дѣло"

ГОДЪ ИЗДАНІЯ 3-й.

Всестороннее обсужденіе принципіальныхъ, практическихъ и техническихъ вопросовъ, городск. хозяйства и управлен. Финансы, жилищн. вопросъ, дороговизна жизни и проч.

ГОРОДЪ СОВРЕМЕННЫЙ И ГОРОДЪ БУДУЩАГО.

Участвуютъ представ. науки, обществ. дѣятели, врачи, архитек., инженеры. Чертежи. Рисунки. Проекты. Статьи. Замѣтки. Юрид. и техн. отвѣты. Разъясн. Сената.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1911 годъ.

Подписная цѣна: на годъ—7 р. 50 к.; на ½ г.—3 р. 75 к. Пробный **№ 60 к.** съ пересылкой. Подписка приним. въ Главн. Конторѣ (С.-Пб., Мойка, 24) и во всѣхъ книжн. магазинахъ. Тамъ же подписка на журн. **„ЗЕМСКОЕ ДѢЛО"**, (1 г.—8 р., ½ 4 р.),

Складъ „Перваго Карманнаго Календаря-Справочника гор. и земск. дѣятеля", на 1911 г.
Цѣна 1 р., съ пересылкой 1 р. 25 к.

При редакціи **Книжный Складъ:** составленіе библіотекъ, выписка книгъ русскихъ и иностранныхъ, а также учебниковъ.

Отдѣломъ Самоуправленія Областной Выставки въ Екатеринославѣ журналу присуждена **Золотая медаль.**

Издатель **Д. Протопоповъ.** 3—3.

Редакторъ, гласн. Петерб. Гор. Думы **Л. Велиховъ. М. Федоровъ.**

Фотографія

Б. И. ВАЛЬДМАНЪ

удостоена **ВЫСОЧАЙШЕЙ** похвалы и высшихъ наградъ на фотографическихъ выставкахъ.

1911 г.

Юбилейный годъ

25-ти-лѣтія

со дня открытія

фотографіи

ВАЛЬДМАНЪ

въ г. Пензѣ.

Художественное исполненіе всѣхъ фотографическихъ работъ съ зарекомендован. аккуратностью и въ скорый срокъ.

Телефонъ № 213.

Увеличеніе портретовъ

до натуральной величины.

Принимаются заказы на фото-эмалевыя брошки, брелки и проч.

Фотографія на посудѣ и фарфорѣ.

Работы акварелью и масляными красками.

СЪ ОСОБЕННОЙ ЛЮБОВЬЮ СНИМАЮ ДѢТЕЙ.

Фотографъ Б. ВАЛЬДМАНЪ.

Пензенскимъ Губернскимъ Земствомъ

СТРАХУЮТСЯ

хозяйственныя постройки и домашняя движимость въ нихъ, въ ГОРОДѢ ПЕНЗѢ, ниже частныхъ обществъ и по слѣдующему тарифу (коп. со 100 р. риска):

	Въ верхн. части и въ центрѣ города.		Въ окраинныхъ улицахъ.	
	Крытыя:		Крытыя:	
	Желѣзомъ.	Деревомъ.	Желѣзомъ.	Деревомъ.
Строенія каменныя	19	38	23	45
движимость въ нихъ	30	51	34	59
„ смѣшанныя.	45	75	53	90
движимость въ нихъ.	55	89	64	106
„ деревянныя	48	102	60	113
движимость въ нихъ	55	115	68	127

Мѣсто жительства агента
(ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ ФИРЮЛИНЪ)—Поповка, № 14-й. 2—1.

ПЕНЗЕНСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ
Торгово-Промышленнаго Товарищества
А. Г. ПРОСВИРКИНЪ и К°

Москов. ул., д. Тихонова. Тел. № 154.

ПРИНИМАЕТЪ оборудованіе крестьянскихъ и экономич. мельницъ.
ИМѢЕТЪ НА СКЛАДѢ: ДВИГАТЕЛИ нефтяные «Рустонъ» 4-хъ тактные Англійскаго завода Рустонъ Прокторъ и К°. ЖЕРНОВА В. Ю. фонъ-Денффера, НАЖДАЧНЫЕ и Кварцовые. СѢЯЛКИ рядовыя Р. Т. Эльворти «Россія», «Универсальныя» и «Хлѣбно-Комбинированныя»—Мелихара, Сакка и друг. ПЛУГИ, Бороны, Запашники, Культиваторы различныхъ системъ и заводовъ. ЖАТКИ, СНОПОВЯЗАЛКИ, Косилки, Грабли заводовъ Массей Гаррисъ. Шпагатъ «МАНИЛЛА».

СМѢТЫ И КАТАЛОГИ БЕЗПЛАТНО.

ОТДѢЛЕНІЕ: ст. РУЗАЕВКА, Моск.-Каз. ж. д., на Базарѣ.

2—1.

Адресъ для телеграммъ: Пенза—Просвиркину.

СОДЕРЖАНІЕ.

Страницы:

1) Красный день. *В. Быстренинъ*. . . . . 1.

2) Чѣмъ долженъ быть для насъ день 19 февраля? *Н. Езерскій*. 4.

3) Царь-Освободитель . . . . . 9.

4) Великая реформа. *И. Правдинъ* . . . . . 12.

5) Освобожденіе крестьянъ. N . . . . . 17.

6) Реформы Александра II. N. . . . . 23.

7) Отмѣна крѣпостного права и вліяніе ея на народное хозяйство. *Евг. П. Шевченко* . . . . . 30.

8) Русскіе писатели и поэты и крѣпостное право . . . . . 32.

8) В. Г. Бѣлинскій и крестьянская реформа. *А. Ч.* . . . . . 34.

10) Привѣтствіе отъ Лермонтовскаго О-ва Пензенскому Городскому Общественному Управленію въ день юбилея крестьянской реформы. *К. Евграфовъ* . . . . . 36.

11) ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ:

I. Изъ картинъ крѣпостной жизни.

Дворовый. *Н. Некрасовъ* . . . . . 41.

Талантъ-проклятье. *Лѣткова*. . . . . 42.

Яшка-гусятникъ. *В. Бажановъ*. . . . . 42.

II. Новая жизнь послѣ 19 февраля 1861 г.

Гимнъ. *Н. Некрасовъ*. . . . . 45.

Свобода. *Н. Некрасовъ* . . . . . 45.

Объявленіе воли 5 марта въ Петерб. *А. Авенаріусъ*. . 46.

12) МѢСТНАЯ ХРОНИКА.

Объ измѣненіи программы чествованія Пензенскимъ Городскимъ Управленіемъ юбилейнаго дня 19 фев. 47.

О домѣ имени В. Г. Бѣлинскаго въ гор. Пензѣ . . . 48.

Общество имени М. Ю. Лермонтова въ г. Пензѣ. . 50.

Пожертвованія на домъ имени В. Г. Бѣлинскаго въ г. Пензѣ . . . . . 51.

13) Объявленія . . . . . 52.

„Пензенскій Городской Вѣстникъ".

Цѣна отдѣльнаго №. 15 коп.

ВПЕРЕДИ ТЕКСТА ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ НА 50% ДОРОЖЕ.

	ПОЗАДИ ТЕКСТА ТАКСА ОБЪЯВЛЕНІЙ:			
	1 разъ.	2 раза.	3 раза.	4 раза.
1 страница . .	10 р. 00 к.	18 р. 00 к.	27 р. 00 к.	35 р. 00 к.
1/2 „ . .	5 р. 50 к.	9 р. 90 к.	14 р. 85 к.	19 р. 25 к.
1/4 „ . .	3 р. 25 к.	5 р. 85 к.	8 р. 77 к.	11 р. 35 к.
1/8 „ . .	2 р. 00 к.	3 р. 60 к.	5 р. 40 к.	7 р. 00 к.
1/16 „ . .	1 р. 25 к.	2 р. 25 к.	3 р. 37 к.	4 р. 37 к.

	5 разъ.	6 разъ.	7 разъ.	8 разъ.
1 страница . .	42 р. 00 к.	48 р. 00 к.	53 р. 00 к.	57 р. 00 к.
1/2 „ . .	23 р. 10 к.	26 р. 40 к.	29 р. 14 к.	31 2. 35 к.
1/4 „ . .	13 р. 70 к.	15 р. 60 к.	17 р. 22 к.	18 р. 52 к.
1/8 „ . .	8 р. 40 к.	9 р. 60 к.	10 р. 60 к.	11 р. 40 к.
1/16 „ . .	5 р. 25 к.	6 р. 00 к.	6 р. 62 к.	7 р. 12 к.

Во всѣхъ непредусмотрѣнныхъ таксою случаяхъ—плата по особому соглашенію. Для многократныхъ объявленій большая скидка.

На 2-й, 3-й и 4-й страницахъ обложки плата по особому соглашенію съ конторой редакціи.

Для лицъ ищущихъ труда, скидка 25%.

Контора Редакціи (Пенза, Городская Управа), для пріемъ объявленій открыта ежедневно (кромѣ праздниковъ) съ 10 час. утра до 3 час. дня.